

РАСТВОРЯЯСЬ

В ЯРКОМ

СВЕТЕ

18+

ДЖЕССИКА КУСД ЭТТИНГ
АЛИССА ЭМБРИ ШВАРЦ

Young Adult. Бестселлеры романтической прозы

Джессика ЭТТИНГ

Растворяясь в ярком свете

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Эттинг Д. К.

Растворяясь в ярком свете / Д. К. Эттинг — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Бестселлеры романтической прозы)

ISBN 978-5-04-158998-1

Эбби сбегает, потому что теперь ей нечего терять. Та жизнь, где она была звездой волейбола с блестящим будущим, навсегда разрушена. В канун Рождества она и ее сестра Брук получают письмо от отца, где он сообщает, что у него болезнь Гентингтона. Редкое генетическое заболевание, которое прогрессирует с каждым годом, медленно убивая человека. И когда девушки соглашаются на тестирование, у одной из них оказывается положительный результат. Встреча с Беном подарила Эбби надежду на лучшее. Чувства девушки становятся сильнее с каждым днем, как и страх перед неизбежным. Но Бен из тех парней, которые борются за близких до конца. Сможет ли Эбби найти в себе силы жить дальше и поверить в любовь?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-158998-1

© Эттинг Д. К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Джессика Кусд Эттинг,
Алисса Эмбри Шварц
Растворяясь в ярком свете**

Jessica Koosed Ettingand

Alyssa Embree Schwartz

Fade Into the Bright

Copyright © 2021 by Jessica Koosed Etting and Alyssa Embree Schwartz

© Димчева Т., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается нашим семьям

Глава 1

Наконец-то я могу дышать.

Окутывающий паром туман рассеялся, и на горизонте, подобно миражу, появился остров, до которого я добиралась все утро.

Не важно, что мое единственное связующее звено с этим местом, – женщина, которую я едва знаю. Вообще понятия не имею, что меня ожидает, когда сойду на землю. Однако опасения отскакивают от меня, как теннисный мячик от удара ракеткой, потому что только на борту я наконец-то получила возможность дышать полной грудью, чего была лишена дома.

Это хороший знак.

На пароме кипит жизнь: родители не спускают глаз с детей, вещей и надувных плотов, парочки держатся за руки, компании друзей делают снимки на память. Я поворачиваюсь на сиденье и окидываю взглядом Каталину – остров, о существовании которого до вчерашнего дня и не подозревала. Он находится посреди океана, в двадцати двух милях от побережья Южной Калифорнии, и выглядит пустынным и всеми покинутым. Иссушенные горы сбегают к кристально чистым аквамаринovým волнам, растущие на пляже пальмы приветственно машут кронами. Из всех возможных мест, где можно укрыться, я выбрала это.

– Добро пожаловать в Ту-Харборс!¹ – раздается из динамика пронзительный скрежещущий голос капитана.

Мы еще в док не вошли, а я уже сбегала в багажный отсек и схватила свой новенький чемодан на колесах – подарок Уилла, маминого парня. Он преподнес мне его в тот день, когда стало известно о принятии меня в волейбольную команду Колорадо с этой осени.

«Он тебе понадобится, когда будешь ездить на гостевые игры», – улыбаясь своей фирменной смущенной улыбкой, сказал он.

«И чтобы было в чем привозить домой грязные вещи в стирку», – со смехом добавила мама.

От этого воспоминания мне делается больно, как от пореза бумагой.

«Хватит. Не думай об этом. Шагай вперед».

Я направляюсь напрямик к выходу, представляя себя акулой, которой нужно непрерывно двигаться, чтобы выжить... но, оказавшись на деревянной пристани, вдруг понимаю, что представления не имею, как выглядит тетя Синтия. Последний раз я ее видела, когда мне было пять лет.

Вчера я получила от нее мейл с предложением пожить у нее летом, чтобы снова обрести почву под ногами, и ухватилась за эту идею так поспешно, что даже не задумалась, где именно мы встретимся.

Ловко лавируя между стоящими на пристани группками людей, ощущая прохладное прикосновение морского воздуха к коже, я замечаю спешащую навстречу энергичную женщину, протягивающую мне руки. Должно быть, это и есть Синтия. Ее наряд уместнее смотрелся бы на музыкальном фестивале, а совершенно седая шевелюра красноречиво свидетельствует о том, что у нее есть дела поважнее возни с краской.

– Эбби! – Она стискивает меня в объятиях, прижимаясь щекой к моей щеке.

– Привет, Синтия, – бормочу я ей в волосы, пахнущие лавандой и кофейными зернами.

Она отстраняется и окидывает меня долгим взглядом с головы до ног.

– Смотри-ка, как ты выросла! – одобрительно замечает она. – Ты превратилась в умопомрачительную молодую женщину.

---

¹ Ту-Харборс – второй по численности населенный пункт Каталины, расположенный на перешейке острова.

Я шаркаю ногой в конверсах по деревянным доскам пристани. Побуждения у тетушки благие, но все равно комплимент вышел вульгарным. Первая похвала в мой адрес. Придется привыкать.

– Я так рада, что ты согласилась приехать, – продолжает она, широко улыбаясь.

Я тут же напрягаюсь всем телом. Ну вот, начинается. Чувствуется, что она пытается подобрать правильные слова. Мы обе понимаем, что простого «мне жаль» будет недостаточно, а ничего другого я сейчас выслушивать не в состоянии. У меня внутри разверзается Адова Бездна.

– Идем же, тебе необходимо отдохнуть, – к моему облегчению, заявляет Синтия. Похоже, она и правда намерена «предоставить мне свободу», как обещала в своем мейле.

Облегченно выдохнув, я ковыляю за тетей, волоча за собой громахающий чемодан. Хотя большую часть утра я провела на борту самолета, мышцы у меня болят так, будто все это время бегом бежала. Пожалуй, в некотором смысле так и есть.

Оказавшись у края пирса, Синтия принимается жестикулировать, указывая на наше окружение.

– Вот где жизнь бьет ключом. Пожалуй, это можно назвать местным деловым центром.

Налетевший ветерок ерошит мне волосы, и я убираю пряди с лица, чтобы как следует рассмотреть место, о котором говорит тетя. На это у меня уходит ровно три секунды. Передо мной небольшой пляж, крошечный магазинчик и непритязательный ресторан с баром на песке. Я охотно готова признать, что в голове у меня вместо мозга сахарная вата, но если то, что я вижу, в понимании тети бьющая ключом жизнь, то жизнь эта еле теплится.

Она указывает на сложенные рядом с нами байдарки и гребные лодки.

– Здесь сосредоточено большинство водных развлечений: снорклинг, ныряние с аквалангом, парусный спорт. Остров может похвастаться богатейшей морской флорой и фауной, если тебе это интересно.

Я киваю, будто обдумывая ее слова. Может быть, мне в самом деле интересно, кто знает. Покупая билет, я мечтала лишь о том, как бы поскорее убраться из Колорадо, а теперь, оказавшись на пляже, вдруг поняла, что у меня целое лето впереди.

– Главный город острова называется Авалон, – поясняет Синтия. – Это центр притяжения туристов, по сравнению с которым Ту-Харборс как скромная невзрачная младшая сестренка, но мне кажется, ты сумеешь проникнуться очарованием этого места.

Синтия шагает по грунтовой дорожке, направляясь непонятно куда. Автостоянки поблизости не видно, вокруг только иссушенные солнцем горы, извилистые тропы, поросшие сорной растительностью, да притулившийся под приземистой пальмой квадроцикл.

У которого тетушка и останавливается.

– Ну, вот и пришли! – объявляет она.

– Он твой?

– А чего ты ожидала? – прищурившись, недоуменно вопрошает она.

– Ну-у... Автомобиля, например.

– Автомоби-и-и-ля? – Она с улыбкой склоняет голову набок. – На острове почти нет машин. Нужно выждать очередь длиной в четверть века, чтобы обзавестись личным авто. Квадроциклы и те мало у кого есть, и мы стараемся пользоваться ими как можно реже – уж больно они шумные.

– Как же вы перемещаетесь по округе?

– Пешком.

Я киваю, будто это вполне в порядке вещей, и тут же начинаю сожалеть, что не удосужилась почитать путеводитель по Каталине, пока плыла сюда на пароме.

Синтия берет мой чемодан и пристраивает его на заднее сиденье квадроцикла. Глядя на ее высокую, худощавую фигуру, исполненную внутренней силы, я думаю о невзрачных старуш-

ках на занятиях по йоге, делающих идеальную стойку на руках, в то время как ты сама приземляешься на задницу. Во всяком случае, именно это со мной случилось в тот единственный раз, когда Брук удалось затащить меня на йогу – по рекомендации доктора Голда, разумеется.

– Запрыгивай. – Жестом указав на пассажирское сиденье, тетя протягивает мне теплый сверток в фольге. – Буррито, которое я готовила на завтрак. Одно из моих коронных блюд. Я поставляю еду для туров в отдаленные районы острова – и для некоторых других организованных экскурсий тоже. Решила, что ты будешь не прочь подкрепиться.

– Спасибо! Я и правда умираю с голоду. – Нормальной еды я не ела уже сутки и расправляюсь с буррито в три укуса.

Когда Синтия заводит двигатель, я от неожиданности подсакиваю на сиденье. Звук такой, будто у меня над ухом хлопушка взорвалась. Квадроцикл ползет по грунтовой дороге, поднимая колесами облака пыли.

Мы начинаем крутой подъем в гору, оставив позади «деловой центр Ту-Харборс», и тут я резко выпрямляюсь. Вау! Какая разительная перемена! Скрылись из виду шезлонги, зонтики от солнца и кабинки для переодевания. На поросших травой склонах ютятся горстка бунгало, соединенных сложной сетью протоптанных тропинок.

– А где все остальное? – спрашиваю я, вытягивая голову и озираясь по сторонам. – Где гостиницы и дома...

Мое замечание Синтию смешит – смех у нее хриплый, гораздо ниже обычного голоса.

– «Бэннинг Хаус» – единственная гостиница в этой части острова, да и в той всего двенадцать номеров. Что касается местных жителей, коих тут насчитывается от силы полторы сотни, то наши коттеджи разбросаны по всему склону горы.

Полторы сотни. Это куда меньше, чем общее количество учеников в выпускных классах моей школы. Нет, я, конечно, понимала, что островок крошечный, но не настолько же!

Я трясую головой, чтобы прогнать вспышку сомнения в правильности собственного решения.

В конце концов, я ведь сюда потому и приехала, правда же? Чтобы избавиться от пристальных взглядов, следящих за каждым моим шагом.

Цель достигнута, Эбби. Ты попала на остров, где почти нет людей. Интересно, «Амазон» доставляет сюда товары? Я прикусила щеку, как делаю всегда, когда нервничаю, – дурная привычка, от которой не получается избавиться со времен детского сада.

Тетя круто сворачивает вправо, продолжая подъем в гору по дороге, по обеим сторонам которой растут кактусы, и я замечаю океан на горизонте... снова. Остров такой малюсенький, что видны оба его берега одновременно, а Ту-Харборс в ширину едва ли превышает полмили.

Поселившееся у меня в голове сомнение начинает растекаться, как чернильное пятно.

– Тебе в самом деле удастся здесь расслабиться, Эбби, – перекрикивая рев двигателя, обращается ко мне Синтия. – Тут очень тихо и до внешнего мира далеко. Даже интернет почти не ловит.

– Ух ты! Это... э-э-э... круто. – Схватившись за борт квадроцикла, я мысленно молюсь, чтобы тетины слова оказались преувеличением.

Треньканье мобильного телефона напоминает об оставленных на Большой земле людях, с которыми я потеряла связь.

Мама: Как ты, милая? Все хорошо?

Ну конечно, своим мамским чутьем она выбрала именно этот момент, чтобы напомнить о себе. Вообще, она не вполне одобряла эту затею, но, переговорив с доктором Голдом, уступила. А теперь, вероятно, почувствовала мой страх. Меньше всего на свете мне хочется давать ей лишний повод для беспокойства. Пишу ответ: «Да, отлично!» и, прежде чем отправить, добавляю изображение пальмы.

– Приехали! – объявляет Синтия, останавливаясь у симпатичного голубого коттеджа, который со всех сторон обступают горшки с суккулентами. На опоясывающей дом веранде мягко покачиваются широкие деревянные качели, будто на них устроился приехавший в отпуск призрак.

Я стала было слезать с сиденья, как тетушка силой усадила меня обратно.

– Погоди-ка! Я забыла сказать тебе о Шанти – это мой африканский жако.

Час от часу не легче.

Тут из коттеджа выходит неряшливого вида загорелый бородатый дядька, на плече которого в самом деле восседает большой попугай.

Синтия кивком указывает на него.

– А это мой приятель Чип. Я попросила его вынести Шанти на улицу, чтобы вы встретились на нейтральной территории. Дело в том, что африканские жако могут вести себя враждебно по отношению к незнакомым людям. Вот я и подумала, что если вы познакомитесь вне стен дома, то сумеете избежать недопонимания. – Жестом она велит мне следовать за ней. – Готова?

Я изображаю улыбку, какой одарила бы человека с ужасной стрижкой, спросившего моего о ней мнения. Ни капельки я не готова. Вообще не ожидала ничего подобного.

– Здравствуй, Шанти, – воркует Синтия, подходя ближе.

– Здравствуй, Шанти, – отзывается попугай, в точности имитируя интонацию хозяйки.

– Ну, приветик, Шанти. – Я стараюсь смотреть птице в глаза, но она нарочно отворачивается, отказываясь признавать мое присутствие. Печально-то как!

– Не переживай, она оттаит. – Синтия наклоняется, чтобы поцеловать Чипа, и Шанти третью головой о них обоих. – Чип работает над сохранением природы Каталины. Это на случай, если тебе захочется чем-нибудь заняться, пока будешь жить на острове.

Он обнимает мою тетю, и я задаюсь вопросом, рассказала ли она ему об истинной причине моего приезда.

– Добро пожаловать в одно из немногих оставшихся в стране мест, не получивших статус города. Это рай на земле, хоть в последние годы и переведенный на денежную основу.

Я чуть было не рассмеялась, но поняла, что в его голосе нет ни тени сарказма.

Стараясь держаться на расстоянии от Шанти, я тащусь за тетушкой и ее приятелем через огород в дом. Внутри чисто и, благодаря солнцу, очень светло, так что я удивляюсь, увидев крышу. Гостиная заставлена разношерстной мебелью и безделушками, привезенными, судя по всему, со всех уголков света.

Синтия похлопывает меня по плечу.

– Ну что, готова посмотреть свою комнату?

Она плавно скользит по коридору. Сначала мы подходим к ее спальне, где витает слабый аромат травки. Хотя, может, это какое-то особое аромамасло. Обе версии кажутся мне одинаково вероятными.

Синтия входит в комнату, расположенную напротив ее собственной.

– Вот и твое убежище.

Моему взгляду предстает кровать на гнутых кованых ножках, застеленная мягким белым покрывалом, так что я еле сдерживаю желание зарыться в него лицом. Остальная мебель столь же проста и незамысловата: беленая деревянная прикроватная тумбочка и небольшой письменный стол, не сочетающиеся между собой лампы и разрисованный морскими пейзажами туалетный столик.

Синтия раздвигает колышущиеся занавески и с треском распахивает окна, выходящие на неровный горный склон с виднеющимся вдали кусочком океана.

– Прошу любить и жаловать. Ты даже не представляешь, как сильно здесь изменилась энергия после того, как я воскурила шалфей.

Должно быть, именно этот древесный горелый запах я и почувствовала в воздухе. Мама предупреждала, что Синтия хиппи, но я решила, что дело ограничится несколькими нитками бус и предсказаниями судьбы по ладони (спойлер: слишком поздно – я уже знаю, что готовит мне будущее).

– В ящиках комода достаточно места, так что распаковывай вещи. А в ванной я положила несколько новых кусков мыла специально для тебя. – Стоя в дверном проеме, тетя не спешит уходить. – В общем, располагайся.

Я открываю рот, чтобы сказать спасибо, и вдруг понимаю, что одного этого слова недостаточно. «Спасибо, что связалась со мной именно тогда, когда мне это было нужнее всего. Спасибо, что предоставила укрытие от внешнего мира. Спасибо, что не засыпала вопросами – по крайней мере, пока». Все эти слова увязли в забучих песках моего мозга и так и не были произнесены вслух.

– Спасибо за... гостеприимство, – мямлю я.

Тетя улыбается уголками губ, пряча жалость.

– Чуть не забыла. У меня еще кое-что для тебя есть.

Шаркая босыми ногами по полу, она подходит к туалетному столику, берет лежащий на нем сверток в белой оберточной бумаге и протягивает мне.

– Это поможет найти свой путь нынешним летом.

Я осторожно отклеиваю скотч и разворачиваю бумагу. Внутри обнаруживается дневник с пеньковой закладкой-ляссе. Едва сдерживая стон, я выдавливаю из себя улыбку.

– Спасибо.

– Рефлексивное письмо – действенный способ разобраться в себе. Для меня оно стало спасением в трудные времена. – Она гладит меня по руке, улыбаясь, чтобы утешить, и я едва не отшатываюсь. Оказывается, у нее на левой щеке маленькая ямочка, точно такая же, как у меня. Как же я раньше этого не замечала?

И у папы аналогичная ямочка. Он, бывало, уверял, что раз она всего одна – это признак удачливости.

От горькой иронии у меня начинает покалывать кожа.

Как только Синтия выходит из комнаты, я поспешно бросаюсь на кровать и, схватив одну из подушек с бахромой, крепко прижимаю ее к животу.

В «Мэри Поппинс» есть момент, когда трубочист Берт обещает маленьким Джейн и Майклу Бэнксам, что если они просто зажмурятся и подпрыгнут, то магическим образом окажутся в нарисованном мелом рисунке. Они так и делают, а когда снова открывают глаза, то по-прежнему стоят на той же самой лондонской улице. Тогда Джейн смотрит на Берта и спрашивает: «Что-то должно было случиться, да?»

Вот и я задаюсь тем же вопросом, что Джейн Бэнкс. Что-то должно было случиться, когда я сюда приехала? Например, мне следовало расплакаться долго сдерживаемыми слезами. Или я надеялась, что, едва моя нога ступит на песок, я тут же пойму, как справиться со всей этой ситуацией?

Не было бы лучше просто остаться дома?

«Нет!» – пронзительно визжит голосок у меня в голове.

Существует большая разница между тоской по дому и томлением по тому, чего больше не существует. Мой дом, каким я его знала, определенно относится ко второй категории.

Внимание привлекает лежащий на прикроватной тумбочке дневник. Доктор Голд постоянно советовал нам с Брук их завести. «Вы делали записи в своих дневниках на этой неделе?» – бывало, вопрошал он.

Брук, конечно, прилежно заполняла страницы, поскольку терпеть не могла не выполнять задания. А всякая моя попытка оканчивалась бездумным созерцанием чистого листа, потому что я понятия не имела, о чем писать. Любые фразы казались банальными или не вполне прав-

дивыми, будто я сочиняла, что должен испытывать на моем месте другой человек, ничего при этом не чувствуя.

Даже несколько недель спустя доктор Голд не оставил надежды однажды увидеть слова на чистых страницах моего дневника.

– Тебе не нужно придумывать ничего особенного или поэтического. Просто запиши то, что у тебя в голове. Можно даже в виде письма ко мне.

Мой творческий кризис продолжался целых полгода, а теперь, наконец, появились мысли для записи в дневнике.

Дорогой доктор Голд,

*На прошлой неделе я сидела в вашем кабинете. Вы открыли маленький
белый конверт и сообщили мне, какой будет моя смерть.*

(тут я мысленно бросаю микрофон для пущего эффекта)

Эбби

Глава 2

Ранее

Это случилось накануне Рождества. Так всегда и бывает – самые дерьмовые события происходят аккурат перед праздниками.

Дрожа в шортах, я поднималась по лестнице к своему дому, перепрыгивая через две ступени за раз. Хорошо хоть успела до снегопада. Я уж думала – не выживу, когда пошла тридцатая минута речи, которую тренер Мёрфи всегда толкает на последней волейбольной тренировке перед зимними каникулами. Она пытается вбить в наши головы, что команде не пойдет на пользу, если мы целых две недели будем обедаться сладким, валяться в постели до десяти часов и смотреть Netflix. Так как именно эти три занятия возглавляли список моих приоритетов, все полчаса я мысленно решала, какой фильм выбрать первым и полакомиться ли сперва мятными конфетами или имбирным печеньем.

Поднеся ключ к замочной скважине, я услышала знакомые голоса взрослых, смеющиеся и фальшиво исполняющие традиционное «Украсьте залы», и, поспешно развернувшись, со всех ног припустила к черному ходу.

Не поймите меня неправильно. Мне нравится, как мама с Уиллом исполняют рождественские гимны, но я предпочла заявить о своем возвращении домой чуть позже, когда они достаточно выпьют. Тогда они будут увлечены пением и не станут выпытывать, какие мне нравятся парни – словно я пятиклассница-несмышлениш, а не выпускница, честное слово!

Только я влетела через черный ход на кухню, как с неба посыпались пушистые снежинки.

– Вовремя ты! – прошептала Брук, методично выкладывая на противень кружочки песочного теста. В тех редких случаях, когда выпечкой занималась я, вид у меня становился такой, будто в руках пакет муки взорвался. Брук же в своем безупречно чистеньком фартучке образца 1950-х выглядит так, что хоть сейчас в кулинарном шоу по телевизору показывай. – Они выпили уже по третьему хмельному эгг-ногу².

– Правда что ли? Не думала, что они успели так набраться. Вроде слова песни не перевирали. – Схватив ложку, я зачерпнула порцию теста и отправила в рот, за что тут же схлопотала неодобрительный взгляд Брук – ну вылитая мама!

– Что? – протестующе пробубнила я. – У тебя вон уже печенье в духовке печется. Сколько его нужно маминым друзьям?

– Зависит от того, сколько эгг-нога они выпьют. – Сестра отодвинула миску подальше от меня. – Да и на завтра надо немного оставить, чтобы обеспечить питание для мозга, пока буду заниматься.

– Заниматься? Ты о чем вообще? Хоть на две недели забудь о школе.

– Не хочу начинать новый семестр неподготовленной. Ты же знаешь, какой у меня учитель риторики. И вообще, раз я намерена получить место практикантки у окружного прокурора, нужно произвести на него впечатление. Хоть несколько глав да прочитать.

Я ахнула в притворном ужасе.

– И ты откладываешь такое важное дело до завтра?

Не обращая на меня внимания, Брук продолжает выкладывать на противень идеальные кругляшки. Я понимаю, что испытываю ее терпение, но, будучи младшей сестренкой, не могу отказать себе в удовольствии умыкнуть еще ложечку теста. Кроме того, мне не стоит труда

---

² Напиток из взбитых яиц с сахаром, ромом или вином.

перегнуться через Брук, чтобы добраться до миски. Я на добрых пять дюймов выше мамы с сестрой. Брук вся в нашу родительницу – не вышла ростом, а я унаследовала оливковую кожу. Ярко-зеленые глаза достались нам обеим, и это единственное, что намекает на существующие между нами родственные связи.

– Эй, погоди-ка! – Она обхватила меня рукой, но не стала отнимать ложку и с усмешкой добавила: – Прислушайся.

Мамина вечеринка проходила в противоположной от кухни части дома, но теперь и я уловила характерные аккорды стоящего в гостиной фортепьяно.

– Ну вот, опять, – кривовато улыбнулась в ответ я.

Это песнопение имело место из года в год. Мамина подруга Тина – скромная худенькая женщина с таким тихим голосом, что собственные дети-первоклашки едва его разбирали – вдруг принималась орать во всю глотку незамысловатую песенку «Santa Baby».

Как только ее трубный глас присоединился к звукам фортепьяно, мы с Брук хлопнули друг друга раскрытыми ладонями. Выступление Тины считалось у нас официальным началом Рождества.

Схватив телефон, я стала набирать Нине сообщение с призывом немедленно мчаться сюда, пока не пропустила самое интересное, но тут он завибрировал, оповещая о входящем эсэмэс. Она меня опередила.

Нина: Сдавайся немедленно! В этом году я получила открытку, которую тебе ни за что не превзойти.

Во мне взыграло чувство соперничества. Схватив Брук за руку, я спросила:

– Ты не в курсе, сегодняшнюю почту уже принесли?

– Если и так, то все должно лежать на подносе рядом с кофемашиной. Как, в общем-то, и всегда.

Брук с мамой помешаны на организации пространства. Особенно мне нравились корзиночки, которые мама держала на маленьком столике у нас на кухне. Они предназначались для сортировки счетов, списков дел и домашних обязанностей. Красивые, разрисованные цветами и с надписями «Сделать сейчас» и «Отложить на потом». Я в самом деле считала, что это отличная задумка, пока мама с Брук не поймали меня на подкидывании всех дел в корзиночку «Отложить на потом».

На подносе никаких писем не было, поэтому я поспешила на улицу к почтовому ящику и, вернувшись в дом, успела просмотреть всю пачку. Стряхнув с ног снег, я достала единственный конверт, адресованный всей семье разом. Судя по толщине, внутри должна находиться поздравительная открытка.

Хоть бы она оказалась лучше, чем у Нины!

Под «лучше» я на самом деле имела в виду «хуже». У нас с Ниной ежегодное соревнование – кому пришлют самую дурацкую поздравительную открытку. Таковую, которая не имеет ничего общего с реальной жизнью, но всем своим видом кричит: «Полюбуйтесь, какие мы идеальные и счастливые!» В прошлом году Нина выиграла с карточкой, полученной от соседей. Похоже, их полугодовалый малыш никак не хотел фотографироваться, поэтому они просто добавили в фотошопе изображение улыбающегося грудничка рядом с другими своими двумя детьми, надеясь, что никто не заметит. М-да, такую открытку мне было никак не превзойти.

Наблюдая за тем, как я поспешно разрываю конверт, Брук изрекла:

– Вы с Ниной парочка чокнутых.

– Неужели? – фыркнула я в ответ. – Тогда зачем же ты каждый год просишь показать тебе победившую открытку?

Вытащив карточку, я упала духом. Она изображала милого ребенка и золотистого ретривера, резвящихся в снегу. Чудесная сценка, которая точно не составит Нине конкуренцию.

В пачке обнаружился еще один конверт, адресованный только нам с Брук. Не похоже, чтобы внутри была поздравительная открытка, но вдруг повезет? Вскрыв его, я обнаружила напечатанное на компьютере письмо.

У меня чуть сердце не остановилось, когда я увидела, от кого оно.

– Брук, – проскрежетала я не своим голосом. – Тебе надо это увидеть.

– Что там у тебя? – отозвалась сестра, подходя ко мне. – Если ты позвала меня за тем, чтобы высмеять семью, вырядившуюся в одинаковые пижамы...

Я вложила листок ей в руку, указывая на подпись.

Папа.

Брук резко побледнела.

– Адресовано только нам с тобой? Маме нет?

– Только нам. – Я засунула письмо обратно в конверт.

– погоди! Ты его прочитала?

– Нет. – Пульс у меня участился, кровь злобно стучала в висках.

– Правда? Неужели тебе ни капельки не интересно узнать, о чем там говорится? Зачем ему вдруг вздумалось нам писать? – Сестра часто моргала, глядя на меня, будто в попытке вернуть четкость зрения.

– Одного того, что письмо напечатано, а не написано от руки, достаточно, чтобы отправить его прямиком в мусорную корзину. – Если позабыть об обезличенном, недостаточном и несвоевременном общении с отцом, я не смогла бы придумать ни единой причины шевельнуть ради него и пальцем, хоть сто лет напрягай извилины. Включая и чтение этого письма.

– Что, если он наконец-то решил объяснить, почему бросил нас? – тусклым голосом предположила Брук.

– Там текста на четверть странички. Если только последние тринадцать лет он не работал тайным агентом ЦРУ, то мог бы предоставить куда более развернутую версию событий. Скорее всего, сочинил какую-нибудь ерунду, движимый чувством вины накануне праздника.

Глаза Брук метались, как конечности куклы-марионетки, и я поняла, что она сейчас мысленно составляет длиннющий список «за» и «против» чтения письма. В ожидании, когда она закончит, я принялась барабанить пальцами по кухонному столу.

– Нам следует ознакомиться с его содержанием. – Она поджала губы, утверждаясь в правильности принятого решения. – Просто чтобы удовлетворить любопытство. А потом можно сразу же его выбросить.

– Ладно, – с сомнением протянула я.

Брук разгладила заломы на листе, изрядно помявшемся от моих усилий затолкать его в конверт, и выставила перед собой, чтобы нам обоим был виден текст.

Дорогие Брук и Эбби, Я пытался придумать лучший способ сообщить вам то, что должен, но в конечном итоге решил, что его просто не существует. У меня положительный результат теста на болезнь Гентингтона. Это смертельное генетическое заболевание. Причина, по которой я сообщаю вам об этом, заключается в том, что каждый ребенок такого родителя с вероятностью 50:50 тоже является носителем гена. Ваш доктор объяснит, как пройти тестирование и узнать наверняка. Мне очень жаль.

Папа

Я перечитала послание снова, уверенная, что что-то пропустила. Например, соль шуток.

– Это же розыгрыш, да? – Я задумалась, перебирая в голове знакомых, достаточно извращенных, чтобы счесть подобное смешным. – Я имею в виду, отправлено из почтового отделения. Кто, интересно, решил так поразвлечься?

– Кто-то, не желающий быть пойманным. – Глаза Брук порхали по строчкам письма.

– Перестань, Брук! Не думаешь же ты, что отец доверил бы такую важную новость бумаге?

– Почему бы и нет? Бросил ведь он жену с двумя детьми, даже не попрощавшись.

Она, конечно, права, но это письмо вообще ни в какие ворота не лезет и, следовательно, не может быть правдой. Может, его отправил какой-нибудь шутник, решивший возродить давний формат школьного общения.

– Ты вообще слышала о болезни Гентингтона? Возможно, ее и в природе-то не существует.

Уронив письмо, Брук метнулась к лежащему на столе мобильному телефону и принялась яростно печатать.

– Болезнь Гентингтона, – принялась она читать вслух, захлебываясь словами, – это неизлечимое наследственное заболевание, приводящее к дегенерации нервных клеток в определенных областях мозга.

– Тине пора переходить на эгг-ног. – В кухню со смехом впорхнула мама. – Что-то горит?

Да, печенье с шоколадной крошкой. Я бросилась к духовке, но спасти было уже нечего.

Повернувшись, я увидела, как Брук сует письмо маме в руки.

Мама начала читать его, и в этот момент зазвучали первые строки рождественского гимна «Радуйся, мир».

Глава 3

«Воспроизведение прервано. Проверьте интернет-соединение и попробуйте снова».

Итак, Синтия не преувеличивала, говоря о качестве Wi-Fi на острове.

Остаток дня я собиралась валяться в своей комнате и, за отсутствием телевизора, скачать какой-нибудь фильм и сбежать от реальности. Как поступала каждый день всю прошлую неделю.

«Эбби в шоке».

Голос Брук. А может, и мамин.

Я велю им убираться из моей головы. Я затем сюда и приехала, чтобы побыть в одиночестве и привыкнуть к происходящим. И Брук мне для этого не нужна.

Кликнув по иконке, я в очередной раз открываю Hulu на компьютере, но снова вижу лишь быстро вращающийся радужный кружок. Он как будто насмехается надо мной. И на телефоне связь не лучше. Всего одна полоска индикатора сети. Сообщение еще можно отправить, но о просмотре фильма не может быть и речи.

Я бреду по коридору с открытым ноутбуком, минуя гостиную и оказываюсь на кухне. Не отрывая глаз от экрана, убеждаюсь, что Wi-Fi одинаково не ловит во всем доме.

На кухне обнаруживается Синтия – она выжимает из лимонов сок и собирает его в деревянный кувшин. Одного взгляда на меня ей достаточно, чтобы лицо помрачнело от беспокойства.

– Что-то не так?

Я корчу гримасу, чтобы скрыть, как мне не по себе.

– Да вот, пытаюсь фильм посмотреть, но, похоже, ты очень точно описала ситуацию с местным интернетом.

– Ох да, он здесь ужасный. – Этой фразой она быстро и эффективно разрушает мои мечты на следующие несколько недель – совсем как очередной лимон выжимает! – Где-то в шкафу у меня был видеомэгнитофон. Может, хочешь им воспользоваться?

Я выжидаю несколько мгновений, чтобы убедиться, что она не шутит. Увы, нет. Невежливо будет сказать, что пленочной видеокассеты я никогда в жизни в руках не держала.

– Э-э-э... возможно.

Тетя прекращает приготовление лимонада и внимательно смотрит на меня.

– Что ж, теперь... когда ты устроилась, не хочешь ли...

У меня в голове звенят тревожные звоночки.

– Прости, но я не желаю об этом говорить, – перебиваю я, стараясь по возможности оставаться спокойной. – Во всяком случае, не сейчас.

С чего тут вообще можно начать? Я выяснила, как мне предстоит умереть. Ну, может, не в деталях, но общее представление точно получила. Моя кончина будет мучительной. И настигнет меня много раньше, чем хотелось бы. Больше тут и говорить не о чем, поскольку это самая неподходящая для беседы тема.

Тетя улыбается, и я снова обращаю внимание на ее ямочку на щеке, которая притягивает взгляд, словно магнитом. Думаю, в ее случае это в самом деле признак удачи. В отличие от отца, она не является носителем гена.

– Я в порядке, – для пущей убедительности снова повторяю я.

– Вот и славно. Я лишь собиралась спросить, не желаешь ли ты выпить домашнего лимонада.

Упс, ошибочка вышла.

– А, да! Конечно.

Она наливает напиток в керамический стакан и протягивает мне.

– Я приготовила его по североафриканскому рецепту, которым со мной поделился мой прежний парень.

Я делаю глоток. Ммм! Идеальное сочетание сладости с кислинкой. Я изо всех сил стараюсь поддержать будничные разговор.

– Вот как. Хотя что-то хорошее от твоего бывшего осталось, правда?

– Хорошее и плохое всегда идут рука об руку. Мы учимся чему-то у людей, с которыми встречаемся, ты так не считаешь?

Я задумываюсь, переняла ли что-то полезное от Рида. Мы расстались меньше года назад, но, вспоминая его лицо, как будто переношусь в другую жизнь. Ту, где ходят в кино на групповое свидание, сидят в обнимку на зрительских трибунах и подбирают сочетающиеся наряды на школьный бал. Когда наши компании стали общаться, Рид был в выпускном классе и тоже в волейбольной команде, а сама я – в предпоследнем классе. Постепенно ребята разбились на парочки, и остались только мы с ним, как не сочетающиеся по цвету носки. Он был симпатичным, с темными волосами, которые постоянно падали ему на глаза, и с поджарым атлетичным телом. Иногда мне даже казалось, что он мне и правда нравится – а может, дело было просто в удобстве.

Когда у нас, наконец, случился первый поцелуй – на диванчике в подвале у Нины, после того, как остальные парочки разбрелись по укромным уголкам дома, – я почувствовала, что мне достался утешительный приз, неизбежный, а не будоражащий воображение. Однако когда мы отстранились друг от друга, Рид посмотрел на меня с улыбкой и сказал:

– Ты понятия не имеешь, как долго я мечтал это сделать.

Должно быть, на моем лице отразилось изумление, потому что он вдруг смущенно рассмеялся.

– Парни бы меня прикончили, если бы я хотя бы не попытался.

– Правда?

– Месяц назад я сказал им, чтобы не смели к тебе даже приближаться, и они все это время ждали, пока я сам наберусь мужества для решительных действий.

Я предпочла не заострять внимание на том, что он заявил на меня права, как будто я кусок торта. Уж слишком я тогда удивилась. Месяц назад. Значит, никакой я не утешительный приз.

Наша компания распалась летом перед отъездом парней в колледж. Все друзья вдруг перессорились, отношения угасли, и мы с Ридом тоже расстались к августу. Как бы нам ни было хорошо вместе, мы оба понимали, что не являемся такими влюбленными, которым после окончания школы суждено пожениться. А к отношениям на расстоянии ни один из нас не был готов. Потосковав несколько дней, я на удивление быстро пришла в норму, хотя поначалу мне и было больно, когда он выложил фотку из колледжа, на которой стоял, приобняв за плечи другую девушку.

Я поднимаю глаза на Синтию и слабо улыбаюсь.

– Единственное, что я усвоила у своего бывшего, так это то, что игра «Grand Theft Auto» в компании его приятелей – не лучший способ провести субботний вечер. Возможно, я несправедлива к Риду.

– Что ж, быть может, ты научилась чему-то полезному у своего следующего парня?

Мне становится трудно дышать. У следующего. Ну конечно. Как, по ее мнению, это должно работать? Есть ли специальное приложение, подбирающее пары людям – носителям гена болезни Гентингтона? Смахните вправо, если у вас первая стадия, и влево – если вторая.

А если у вас третья стадия, то ваши двигательные функции нарушены настолько, что вы вообще не сумеете ничего нажать.

Стакан у меня в руке вдруг наливается тяжестью.

– Пойду-ка я прогуляюсь по пляжу.

Глава 4

Ранее

Как оказалось, письмо нам с Брук прислал вовсе не шутник.

Маме удалось разыскать номер телефона единственной папиной сестры, Синтии, которую я не видела с детства. Раньше они с мамой хорошо общались, но разругались, когда отец нас бросил. Подробностей я не знаю, вроде связано с тем, что Синтия предпочла держать нейтралитет, что было весьма решительно с ее стороны, учитывая, что братец у нее настоящий подлец.

Однако маме удалось дозвониться до тети, и между ними состоялся весьма неловкий разговор: «Привет, я знаю, что мы десять лет не общались, но... в общем, не знаешь, правда ли, что твой брат неизлечимо болен, как он сам утверждает?»

Случись это несколько лет назад, я бы заставила маму выпросить все поподробнее. В курсе ли Синтия, где отец сейчас находится? Скучает ли он по нам? Создал ли новую семью? Однако в какой-то момент мне стало все равно. Причем не так, когда на людях притворяешься, а в душе по-прежнему переживаешь и, например, тайно следишь за своим бывшим в интернете. То, что отец забросил в нашу с Брук жизнь гранату, еще не означает, что во мне резко снова вспыхнет интерес к нему.

Да уж, граната, лучше не скажешь. Синтия подтвердила, что у нее самой все в полном порядке, а отец и правда ген-положительный. Это означает, что мы с сестрой с вероятностью 50:50 унаследовали болезнь, о существовании которой никогда даже не слышали.

Так как новость свалилась нам как снег на голову аккурат под Рождество, на прием к доктору удалось попасть лишь неделю спустя. Ожидая приема, мы пребывали в обескураживающем напряжении, которое постепенно распространилось по всему дому. Брук часами просиживала в интернете, скачивала статьи по теме, сохраняла их в отдельную папку, а потом тщательно изучала и конспектировала.

– Тебе бы тоже не помешало почитать, – заметила она однажды вечером, когда я протиснулась мимо нее на кухню за вторым пакетом попкорна с сыром. Некоторые люди теряют аппетит перед лицом потрясений и ужасных новостей, но я не из их числа.

Я бросила взгляд на веб-страничку с заголовком «Симптомы болезни Гентингтона» и схватила горсть разноцветных драже «M&M's».

– Ну уж нет, благодарю покорно.

– Рано или поздно тебе все равно придется посмотреть правде в глаза, Эбби.

– Уже смотрю.

– Если ты что и смотришь, так только рождественские фильмы непрерывной чередой.

– Они помогают мне свыкнуться с этой новостью. – И ведь почти не соврала, потому что один фильм был о влюбленных, которые познакомились в онкологическом отделении.

Мне не требовались изыскания Брук, чтобы получить общее представление о том, что нас ждет, поскольку каждый день я узнавала подробности из обрывков ее разговоров с мамой. Болезнь Гентингтона, или БиГи, как ее теперь называет Брук, будто они уже стали лучшими друзьями, обычно проявляется в возрасте от 30 до 50 лет. Поначалу у человека начинают трястись руки – так сильно, что не может стакан удерживать. Он вдруг забывает чье-то имя – или куда подевал ключи. В разговорах болтает всякий вздор, сам того не осознавая.

И со временем становится только хуже.

Скоро человек уже не в состоянии самостоятельно передвигаться, речь его становится невнятной, настроение меняется по многу раз на дню. Даже пищу нормально прожевать не получается без того, чтобы не подавиться. Наконец, он полностью утрачивает контроль над собой как человеческим существом и пребывает в таком состоянии до самой смерти.

И он умрет, будьте уверены! Потому что лекарства от этой болезни не существует. Симптомы проявляют себя все острее и, в конце концов, приканчивают бедолагу.

С вероятностью пятьдесят процентов я больна.

Орел или решка, как говорится.

* * *

– Шестой этаж, – объявила Брук, и мы вышли из лифта.

Мы в сверкающем новеньком медицинском центре, примыкающем к университетской больнице. Мы направляемся на встречу с нашим консультантом по вопросам генетики, доктором Джереми Голдом. Похоже, это первый шаг на пути к тому, чтобы как-то выбраться из этой переделки. Доктор должен сообщить нам, поражены мы или нет этим треклятым геном.

Двери открылись в просторный павильон, в котором еще не сняли рождественские гирлянды с огоньками. Странно, как это праздничные украшения, которые до Рождества кажутся красивыми и радостными, всего несколько дней спустя превращаются в печальные и подавляющие.

Посмотрев на себя в зеркало в лифте, я смело могла бы сказать то же самое о нас троих.

– Идем же, Эбби, – зовет мама, уже ушедшая вперед и теперь вынужденная остановиться, чтобы подождать меня. – Ты в порядке?

Я киваю и догоняю ее, а она обнимает меня рукой за талию. Кажется, она меня в сотый раз за день об этом спрашивает. Однако ее не в чем винить. Ради нас она пытается храбриться, но раскисает, когда думает, что мы не видим. Я хотела заверить, что ей не нужно притворяться ради меня, но потом сообразила, что это и ей самой тоже помогает.

Брук зарегистрировалась, и несколько минут спустя нас повели куда-то по узкому коридору. Доктор Голд стоял в дверях своего кабинета. Когда мы вошли, он каждой пожал руку.

Не такого я ожидала. Во-первых, мы попали не в кабинет практикующего врача, а в самый настоящий офис, где имелись даже небольшой удобный диванчик и кресло. Было так жарко, что я поспешила снять пальто и шарф.

– Ты в порядке? – снова спросила мама.

И доктор Голд оказался не таким, как я представляла. На нем даже не было белого халата. Одет он был в симпатичный свитер с V-образным вырезом и брюки, плотно облегающие ноги, из-под которых виднелись модные носки.

Как только мы сели, Брук поспешила достать из сумки ноутбук.

– Я принесла его с собой. Здесь все мои изыскания по теме.

Доктор откатил свой удобный эргономичный стул от стола и устроился напротив нас.

– Не сомневаюсь, что у вас возникло много вопросов. Здорово, что вы проделали подготовительную работу, почитали материалы. И все же позвольте начать, как говорится, с самого начала, чтобы быть уверенным, что добытые вами факты верны.

Мама с Брук одновременно кивнули.

– Будучи специалистом по генетическому консультированию, я предоставляю вам сведения, чтобы вы понимали, что такое болезнь Гентингтона и какое влияние может оказать на вас этот ген.

– Или, наоборот, не может, – не сдержавшись, добавила я.

– Разумеется, – с легкостью согласился он и принялся перечислять симптомы БиГи (ну вот, Брук и меня удалось убедить использовать это сокращение). Оказывается, это хуже, чем

Амиотрофический латеральный склероз, болезнь Паркинсона и Альцгеймера, вместе взятые. В общем, воплотившийся в реальность худший ночной кошмар.

Я смотрела на доктора Голда, готовая мысленно унести в дальние дали, но тут он склонил голову и уставился на меня.

– Что ты чувствуешь по поводу всего этого, Эбби?

– Э-э-э... Вообще-то, не знаю. – Я ощутила, как сидящая рядом Брук закатывает глаза. – Трудно понять, что я должна чувствовать, когда существует пятидесятипроцентная вероятность, что я не больна.

Все может закончиться... ничем. Незачем себя накручивать почем зря, пока не узнаем наверняка. Я не из тех, кто брызжет оптимизмом по поводу и без, но в глубине души надеялась, что мы с сестрой здоровы. Иное просто не укладывалось у меня в голове.

– Когда нам сделают тест, чтобы узнать, являемся мы носителями гена или нет? – перешла я к сути.

Доктор Голд побарабанил ручкой по своему блокноту, как будто он персонаж фильма и лишь играет роль врача.

– Мы не сможем сообщить вам результаты до тех пор, пока вы не пройдете серию консультаций.

– И сколько это займет?

– Шесть месяцев.

Погодите-ка, ЧТО? Я развернулась, чтобы разделить возмущение с мамой и Брук, но они, похоже, вообще не паниковали, что следующие полгода придется все это терпеть.

– А по-другому никак нельзя?

– Продолжительность периода рекомендована руководством, выпущенным Американским обществом борьбы с болезнью Гентингтона, – сообщила Брук таким голосом, будто делилась со мной пикантной новостью.

Мама мягко положила руку ей на плечо.

– Пусть доктор Голд ответит на вопрос.

Он кивнул.

– С тестированием спешить не нужно. Мы потому и проводим консультации в течение полугода, чтобы удостовериться, что вы готовы.

– Но... – я барахталась в море замешательства. – Я считала вас нашим генетическим консультантом. Зачем нам эти полугодовые консультации?

По лицу доктора Голда скользнула тень усмешки.

– Я поясню. Генетическое консультирование заключается не только в заборе ДНК и интерпретации результатов тестирования. Мы здесь, чтобы обсудить медицинские, эмоциональные и психологические последствия выяснения вашей потенциальной ген-положительности.

Он что же, в самом деле хочет сказать, что на протяжении шести месяцев мы будем регулярно собираться здесь, чтобы просто поболтать? Тут до меня, наконец, дошло.

Генное консультирование.

– Погодите-ка. У нас что – настоящие сеансы психотерапии будут?

Неподдельный ужас, прозвучавший в моем голосе, вызвал у доктора Голда улыбку, которую, как истинный профессионал, он тут же спрятал за легким покашливанием.

– В некотором роде да. Как я понимаю, ты ни с чем подобным прежде не сталкивалась? Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы.

– Нет. Когда мне исполнилось двенадцать и я только входила в пубертатный период, мама хотела меня отправить к психоаналитику, потому что опасалась, что из-за отсутствия отца я непременно превращусь в потаскушку с низкой самооценкой...

– Но я говорила об этом не в таких выражениях, – быстро перебила меня мама, чьи щеки разом сделались пунцовыми.

– Я не против терапии, – пояснила я. – Думаю, некоторым людям она может оказаться полезной. – Например, эмоционально неуравновешенным – вот им помощь не помешает. А не тем, кто будет вынужден ждать полгода, чтобы узнать, есть ли у них проблемы или нет.

– Разумеется, – согласился доктор. Я уже поняла, что это его любимое слово. – Речь не идет о терапии в традиционном понимании. Моя задача – познакомить вас с научными данными о болезни, а также о том, о чем обычно умалчивается, а по истечении отведенного времени вы твердо решите, хотите ли сделать тест.

Он в самом деле сказал «хотите ли сделать тест»?

Ну почему я хотя бы бегло не просмотрела записи Брук?

– Э-э-э... я думала, это обязательная процедура.

– Нет, только от вас зависит, делать ее или нет.

– Мы правда хотим, – заверила его Брук.

Доктор Голд переключил внимание на сестру.

– Разумеется. Но со временем вы можете изменить решение. Кроме того, каждой из вас предстоит решать только за себя. Именно такова цель наших консультаций. Рассмотреть, как может лично вас затронуть каждый из возможных сценариев развития событий: будь то отрицательный результат у обеих, или положительный у обеих, или положительный только у одной из вас.

Мама с Брук одновременно схватились за бумажные платочки, поскольку от этих слов дружно заплакали.

Я неловко отодвинулась в сторону, внимательно изучая свои руки. Я пока не пролила ни единой слезинки. Уверена, и мама, и сестра считают это обстоятельство странным. Мама завела руку за спину Брук и сжала мою ладонь. Я отреагировала ответным пожатием.

Доктор Голд прочистил горло.

– Должен заметить, что делать тест в восемнадцать-двадцать лет считается слишком рано. Обычно мы рекомендуем дождаться хотя бы двадцати пяти лет, прежде чем проходить эту процедуру.

– Почему? – одновременно спросили мы с Брук.

– Тест всегда можно пройти позднее. А вот отменить результаты уже не удастся.

Доктор посмотрел мне прямо в глаза. А мне-то не терпелось поскорее сделать тест и покончить с этой странной историей.

Что, если покончить с ней не удастся?

– Даже если вы примете твердое решение пройти через это, все же лучше выждать несколько лет, чтобы четко представлять, какими окажутся последствия для вашей жизни, карьеры, семьи...

– Если симптомы начнут проявляться лет в тридцать пять, не так уж долго и ждать придется, – внушительно, как заправский адвокат, заметила Брук.

– Сегодня уж точно никто никаких решений принимать не станет, – вмешалась мама.

Когда настало время уходить, мы с Брук поспешно схватили брошенные на диван пальто и шарфы, но мама осталась сидеть.

– Погодите-ка. Еще один вопрос. – Мама опустила взгляд на скомканный платочек, будто на нем было написано то, что она хотела сказать. – Я хотела узнать... что нам теперь делать? Куда идти? Как прожить завтрашний день – и все, что будет потом?

Доктор Голд подался вперед.

– Вам нужно уяснить важную вещь, Лесли. Это не только вас касается, а всех троих. К тому, как люди справляются с болезнью Гентингтона, суждения «правильно-неправильно» неприменимы. – Он помолчал некоторое время, чтобы дать нам возможность осознать значи-

мость сказанного. – Это касается всего: кому вы решите сообщить, хотите ли знать наверняка, как жить с болезнью – в случае, если она у вас есть. Это ваш и только ваш выбор. Ничего страшного, если время от времени вас захлестнет желание спрятать голову в песок. Притворитесь, что ничего особенного не происходит, если это поможет вам пережить день.

«Притворитесь, что ничего особенного не происходит».

Эта мысль мне по душе.

Возможно, не так уж и ужасна эта терапия.

Глава 5

Решительно настроенная спасти этот день, я выхожу на переднее крыльцо дома Синтии с ноутбуком в пляжной сумке.

И лишь закрыв за собой дверь, замечаю устроившегося на качелях Чипа с голым торсом. Видок у него как у бродячего пирата, особенно с все еще сидящей на плече Шанти.

– Привет! – говорит он и тут же обращается к птице: – Ну же, не груби. Поздоровайся с Эбби.

Шанти впервые устаивает меня взглядом, но продолжает хранить молчание. Чип кивает мне, будто подбадривая продолжать.

– Здравствуй, Шанти, – предпринимаю я еще одну попытку. – Как жизнь?

– Я в порядке! – скрежещет в ответ Шанти, идеально имитируя мой голос. Должно быть, слышала, как я говорила эти слова Синтии. Я морщусь, понимая, что подобное заявление насквозь фальшиво.

Чип фыркает.

– Африканский жако – лучшее средство для самоанализа, правда, Эбби?

Я решаю перейти к делу:

– Где-нибудь на пляже есть бесплатный Wi-Fi? – Наушники у меня при себе, так что может сработать.

– Нет, милочка, – с чувством отвечает он, как будто отсутствие интернета делает этому месту честь. – В Авалоне, может, и есть. – Это он про самый крупный город на острове.

– Да, точно. Как мне туда добраться?

– Нужно сесть на остановке в сафари-автобус, и два часа спустя ты на месте.

– Неужели до Авалона так долго ехать?

Чип кивает.

– Протяженность Каталины всего двадцать две мили, но дорога длинная и извилистая. Я это тебе не ради красного словца говорю. Может затошнить. Это даже с самыми крепкими иногда случается.

– И этот... сафари-автобус – единственный способ добраться?

– Ну, на лодке потребует всего час.

Мне это ничем не поможет. Где я здесь лодку раздобуду? Я открываю рот, но сказать мне нечего, поэтому молча смотрю на океан.

Чип прослеживает направление моего взгляда.

– Красиво, правда? Знаешь, что говорят об океане?

Не уверена, кто там что говорит... или это риторический вопрос?

– Говорят, что если всматриваться в океан достаточно долго, – негромким серьезным голосом говорит Чип, – то получится заглянуть себе в душу.

– Я в порядке! – громко заявляет Шанти, снова имитируя мой голос. Как будто мне требуется напоминание в обратном!

– Звучит здорово. Что ж, тогда я, пожалуй, схожу на пляж... и полюбуюсь океаном.

Я почти спустилась по лестнице. Ну и ладно, что нет Wi-Fi, на небе сияет солнце, и прогулка по пляжу – лучшее из того, чем я могу тут заняться, чтобы скоротать остаток дня.

Чип указывает на дорогу.

– Иди вниз по склону холма – это самый короткий путь. По дороге полюбишься потрясающими представителями местной флоры. А вот если встретишь бизона с поднятым хвостом, лучше не приближайся к нему. Они тут повсюду бродят.

Куда, черт подери, меня занесло?

Я повторяю в обратной последовательности путь, который мы с тетушкой проделали сюда на квадроцикле. У подножия холма ощущаю под обутыми в шлепки ногами теплый песок. Народу на пляже прибавилось, но, к счастью, нет отпускников. Никто не прохаживается по песочку и не снимается в полный рост, выставив на всеобщее обозрение собственную задницу. Не то чтобы мне когда-нибудь доводилось бывать на пляже в то время, когда люди приезжают в отпуск, но именно так я себе представляю эту картину. Повсюду кипучая деятельность. Дети барахтаются на мелководе у берега, парочки катаются на гребных лодках по заливу, маневрируя между парусными шлюпками и яхтами, большая группа направляется на экскурсию по подводному миру, дружно шлепая ластами. Несмотря на все это, на пляже тихо. Должно быть, из-за отсутствия машин.

Я подхожу к стоящей рядом с кабинками для переодевания хижине, где можно взять напрокат пляжные принадлежности. Находящаяся внутри девушка, примерно моего возраста, но ниже дюймов на пять, отрывается от подсчитывания чеков и поднимает голову. В ней чувствуется стиль, который нельзя приобрести – с ним можно только родиться. Ее волосы зачесаны наверх и подвязаны шарфом с цветочным узором, поверх бикини надета свободная майка, а руки увешаны бисерными фенечками вперемежку с золотыми браслетами, которые так и сверкают на загорелой коже.

– Ну, привет! – Удивительно, но говорит она с британским акцентом.

– Мне, пожалуйста, пляжное кресло. – Мгновение спустя я с сожалением соображаю, что она не добавила привычного и ожидаемого «Чем я могу вам помочь?». Должно быть, я говорю, как брюзгливый старик. Или полная стерва. Оба варианта так себе.

Девушку, похоже, мои слова ничуть не смутили.

– Или все же шезлонг?

– Нет, кресла будет достаточно.

Когда она выходит из-за стойки, я замечаю странное несоответствие между ее верхней и нижней половинами: узкие плечи и плоская грудь – и при этом неожиданно пышные бедра, задрапированные парео цвета фуксии.

– Как проходит день? – спрашивает она, вытаскивая из груды кресел одно.

– Хорошо, – вру я и вымученно улыбаюсь.

Удивительно, сколько людей за сутки поинтересуется, в порядке ли ты, пока, наконец, не начинаешь себя чувствовать совершенно *не* в порядке. Этой девушке на самом деле вовсе не интересно, как там проходит мой день. Точно так же, как и бариста в «Старбаксе» в аэропорту отнюдь не жаждала услышать честного ответа на ее приветственное «Как поживаете?», когда я заказала ванильный латте.

Протягиваю девушке деньги, и она тут же возвращается к своим чекам, напрочь забыв о моем существовании. Я волоку кресло прочь и раскладываю его, едва удается найти свободное местечко – всего в нескольких ярдах от пункта проката. Не успеваю я прилечь, как из сумки раздается звонок телефона.

У меня внутри все сжимается, но, оказывается, это всего лишь Нина. Я так шумно выдыхаю от облегчения, что могла бы сдуть одну из парусных шлюпок в заливе.

Нина: Ты что – уехала из города на все лето????!

Я улыбаюсь. Со знаками препинания она, как обычно, переборщила – такая уж у нее манера общения.

Я: Прости, не попрощалась. Все произошло очень быстро.

Вот уж поистине преуменьшение года.

Я: Ты ведь и сама сегодня уезжаешь... правда?

Я с силой сжимаю телефон. Хоть бы она ответила утвердительно! Остается только надеяться, что она не наделает глупостей. Например, не приплывет на пароме напрямик сюда. С нее станется!

«Я никуда не поеду» – было первое, что она заявила мне, когда мы увиделись через несколько часов после того, как я получила результаты теста. Нина примчалась ко мне домой, верно заключив, что выданный мне вердикт – повод для скорби, а не празднования.

Хоть я тогда и пребывала будто в тумане, все же сразу поняла, о чем она толкует. Предлагает остаться дома со мной, отказавшись от своего подарка на выпускной – двухмесячного путешествия по Южной Америке, где живут ее родственники со стороны матери. О том, на какую колоссальную жертву она готова пойти ради меня, можно было судить хотя бы по тому, что чемодан эта ярая противница тщательного планирования собрала еще неделю назад. Все же я не удивилась. Нина – прирожденный образчик добродетели, из тех, кто во время дождя надевает галоши и идет спасать выползших на мокрое слизней. Одним из которых вдруг оказалась я сама.

Я отрицательно помотала головой, и она сразу все поняла, как обычно и бывает, когда дружишь с человеком чуть не с пеленок. С таким отказом не спорят, и разубеждать тут не в чем.

В общем, она вошла в дом и крепко меня обняла, а когда отстранилась, ее щеки были мокры от слез. Мои – нет.

– Знаю, наступит время, когда ты все же захочешь об этом поговорить. – Она хлюпнула носом, глядя на меня взглядом олененка. – И тогда я непременно тебя выслушаю. Но до этого дня я не намерена лишаться общения с тобой.

Потом мы вдвоем забрались в постель и посмотрели три холлмаркских фильма подряд. При этом Нина непрерывно комментировала происходящее, великодушно выдавая за беседу то, что на самом деле было ее монологом.

Она пришла на следующий день, и потом, и снова. Благодаря ей наша дружба сохранилась, хотя сама я разваливалась на части.

Нина: Да, уезжаю. Сейчас на пути в аэропорт. Ты правда уверена?

Я: ДА.

Потом одно за другим приходят еще несколько сообщений. У меня все внутри сжимается, когда я вижу имя отправителя – Брук. «Нет уж, спасибо». Я удаляю их, не читая.

Засовываю телефон в сумку и пытаюсь устроиться поудобнее. Спинка у пляжного кресла установлена прямо, я пытаюсь увеличить угол наклона, но мне это не удастся. Тогда я встаю с кресла, опускаюсь рядом с ним на колени, чтобы лучше видеть регулятор, но он заел и не двигается.

– Давай помогу! – Я поднимаю голову и вижу парня примерно моего возраста с большой сумкой подводных масок в руке.

– Все в порядке, сама справлюсь.

Не обратив на мои слова внимания, парень бросает сумку и нагибается, чтобы отрегулировать кресло. Это нежелательное вмешательство распаляет во мне ярость.

– Сказала же, что сама справлюсь! – Я снова дергаю за злополучный рычажок.

Парень пятится с поднятыми вверх руками, показывая, что сдается.

– Ну, извини! Я просто работаю на пляже, и в мои обязанности входит помогать туристам.

– Я не туристка, – зло отвечаю я, хотя это не вполне так. Просто его замечание показалось мне ужасно оскорбительным. Как будто я вырядилась в футболку с надписью «Я люблю Каталину» и снимаю себя с помощью селфи-палки.

Парень смотрит на меня с сомнением.

– Никогда тебя раньше не видел, хотя вот уже восемь лет провожу здесь каждое лето.

– Ну, то есть формально я не туристка. Приехала к тете погостить.

Он явно хотел спросить еще о чем-то, но тут мимо нас прошла группа семилетних девочек, которые активно махали ему руками и кричали: «Привет, Бен!», будто он знаменитость какая. Вообще, это не лишено смысла. Внешность у парня смазливая – густые каштановые волосы и вечно улыбающиеся губы, – девчонки в таких то и дело влюбляются по самые уши. Он салютует им в ответ, и одна девчушка останавливается и продолжает махать, пока подружки силой не уведут ее за собой.

Я плюхаюсь обратно в кресло.

– Ну и кто это – твоя девушка?

– Ага, бывшая. Но мы расстались друзьями. – Он поднимает свою сумку с масками. – Как, кстати, зовут твою тетю?

– Синтия Фриман.

– Синтия? В самом деле?

Подняв глаза, я замечаю, что он пристально меня рассматривает.

– Чего уставился?

– Просто ты ничуть на нее не похожа. Синтия всегда приветливая. – Усмехнувшись, он шагает прочь, прежде чем я успеваю придумать, что бы такое сказать в ответ. Гр-р-р! Я по горло сыта общением с людьми.

Откидываюсь на спинку так и не отрегулированного кресла и, устремив взгляд к горизонту, принимаюсь наблюдать за пляшущими на волнах лодками в отдалении. Делаю несколько глубоких вдохов. Этот красивый, хоть сейчас на открытку помещай, вид должен помочь мне успокоиться. Прийти на пляж оказалось верным решением. Возможно, именно этого мне и не доставало. Просто расслабиться. Я зарываю ступни в теплый песок и, подставив голову солнцу, прикрываю глаза.

И тут же возвращаюсь туда. В кабинет доктора Голда.

Он сидит на стуле напротив меня, сжимая в руке конверт.

Мой конверт.

– Эбби, у меня есть всего одна печатная копия твоих результатов, – говорит он. – Они не занесены в компьютер. Только тебе решать, как воспользоваться этой информацией.

Я резко открываю глаза, почувствовав, что тетушкин буррито просится прочь из желудка, а дыхание участилось и сделалось поверхностным. Не осознавая, что делаю, я вскакиваю с пляжного кресла.

Если хорошенько поразмыслить, возможно, мне не помешает немного подвигаться. Целительную силу созерцательного отдыха явно переоценивают.

Я шагаю к берегу, где меня приветствует пенная волна, лижущая лодыжки. Вода такая холодная, что даже белые медведи, вероятно, снялись бы с места в поисках климата потеплее, но как только волна отступает, мне уже не терпится, чтобы она вернулась.

Захожу в море по колено, морщась при каждом шаге, но заставляю себя двигаться дальше, до тех пор, пока, наконец, не окунаюсь целиком. Потом я ныряю и проплываю под качающимися на волнах первым рядом буйков.

Когда моя голова появляется над поверхностью, я ловлю взгляд того парня, Бена. На сей раз он занят не инспектированием пляжных кресел, а привязыванием небольшой лодки.

– Осторожнее, – кричит он мне, все еще усмехаясь. – Я понимаю, что ты тут своя в доску и все такое, но приливы здесь сменяются отливами очень неожиданно. Я серьезно.

Да что с этим чуваком такое? Хоть я и не местная жительница, но плавать-то умею. Я оставляю позади второй ряд буйков и оказываюсь в открытом море. Холодрыга сравнима с ледяными ваннами, которые я принимаю каждые несколько недель во время волейбольного сезона, но ощущения приятные. Я устремляюсь вперед и неожиданно для себя оказываюсь на такой глубине, где ни за что не нащупать песчаного дна кончиками пальцев ног. Мое тело

скользит по волнам, не доходя до гребня, как на американских горках, только в природной версии.

Я переворачиваюсь на спину и свободно дрейфую на воде, позволяя ей нести себя. Мне то и дело закладывает уши. Над головой слышится редкий птичий крик. На губах неожиданно появляется улыбка, а тело становится очень легким. Ничего подобного я не испытывала уже долгие месяцы. Я смежаю веки.

И вот я снова там – в кабинете доктора Голда.

Сидящая справа мама крепко обнимает меня за талию, а Брук тем временем сжимает мне левую руку. Все троем мы надеемся, что результат моего теста, как и у сестры, окажется отрицательным.

Доктор Голд впивается в меня взглядом, прежде чем открыть конверт, и я тут же понимаю, что он хочет мне сказать. Что это последние в моей жизни мгновения блаженного неведения.

Его пальцы надрывают бумагу.

А в следующий миг на меня обрушивается реальная жизнь – в буквальном смысле слова.

Я ощущаю, что волна тянет меня за собой за долю секунды до того, как поднимаю голову и вижу готовящуюся обрушиться мне на голову водную массу. Я пытаюсь поднырнуть под волну, но мне это не удается.

Вытянув шею, хватаю ртом воздух, и меня опять засасывает под воду. Отчаянно работая руками и ногами, я снова высовываю голову над поверхностью, делаю вдох и из последних сил плыву прочь. Глаза жутко щиплет от соли. Вот черт! Я же плыву по-собачьи! Перехожу на брасс и продолжаю двигаться вперед. Легкие, кажется, вот-вот воспламенятся!

Наконец, нащупав ногами песчаное дно, я размякаю от облегчения и, совсем запыхавшись, выбираюсь на берег.

Сделав шага четыре, решаю прилечь. Вообще-то, «решаю» – неверное слово, поскольку решение предполагает волевое усилие, а его-то как раз с моей стороны и нет. На самом деле ноги у меня подкосились и отказали, а я шлепнулась на песок.

– Ты в порядке? – доносится до меня голос Бена. Ну конечно. Правда, на этот раз он хмурит брови и смотрит на меня с неподдельной тревогой.

Видок у меня, должно быть, тот еще. Мокрая, перемазанная в песке, хватающая ртом воздух. Хотелось бы мне обратить все в шутку. Рассмеяться и игриво заявить: «Представляешь, какой бурун норовистый попался, ха-ха!»

Но у меня не получается.

– Да, я в порядке, – мямлю я. Врать подобным образом стало для меня привычным делом.

Кто-то окликает Бена с пляжа. Он медлит еще мгновение, будто собираясь что-то сказать, потом передумывает и молча шагает прочь.

«Я в порядке». Эта фраза никак не вяжется с моей болезнью. Технически я и правда в порядке. Прямо сейчас со мной ничего не происходит. Возможно, так будет продолжаться еще долгое время. Лет двадцать, а то и все тридцать. Если верить доктору Голду, следует как можно более полно прожить эти так называемые «промежуточные годы».

Единственная проблема заключается в том, что я не имею ни малейшего представления, с чего начать.

Я вытираюсь полотенцем, стоя у своего пляжного кресла, когда у хижины случается заварушка. Какой-то дядька средних лет орет, глядя на Бена, а между ними стоит та девчонка-британка.

– И что, черт подери, мне теперь прикажете делать? – Дядька вскидывает свою плотную руку. – Ты сказал, что я могу на нее рассчитывать.

– Мне очень жаль, Том. Я и сам так считал, – отвечает Бен. Я стараюсь не слишком явно упиваться тем фактом, что его надули. – Если тебе станет от этого легче, я скажу, что это и для меня стало сюрпризом.

Дядька озлобленно смотрит в небо.

– С чего бы мне стало от этого легче? – Он поворачивается к стоящему рядом парню-азиату, который может похвастаться внушительным накачанным брюшным прессом – однако не таким внушительным, как у Бена. – Кертис, Люси, теперь это и ваша проблема тоже. Благодаря Бену вы остались втроем. Вот и будете работать без выходных, устраивает?

Когда злобный дядька, тяжело дыша, уходит прочь, Бен поворачивается к Люси и Мистеру-Классный-Пресс.

– Мне очень жаль, ребята. Я возьму на себя больше смен, чтобы не лишать вас выходных.

– Без проблем, старик, – заверяет Мистер-Классный-Пресс. Уж слишком он из кожи вон лезет, как по мне. Хотя мое мнение никому здесь не интересно.

– Я в любом случае на пляже каждый день.

– Это не твоя вина, Бен, – добавляет Люси, также позволяя ему сорваться с крючка.

Снова воцаряется мир и спокойствие, и я укладываюсь на кресло – с опаской, поскольку не уверена, сколько еще «отдыха» смогу сегодня вынести. Наблюдаю за тем, как волны разбиваются о берег, стараясь на сей раз держать глаза открытыми.

Итак, вот оно – мое лето. Есть только я, мои мысли и океан.

«Если всматриваться в океан достаточно долго, то получится заглянуть себе в душу».

Глупый Чип!

Желудок мучительно сжимается.

Это началось несколько месяцев назад с крошечного зародыша, который постепенно стал разрастаться, высасывая из меня воздух и на несколько дней приковывая к кровати.

Если я позволю, нынешним летом Адова Бездна сожрет меня живьем.

Знаю, невозможно сбежать от того, что живет у тебя внутри, но я все же попытаюсь.

Нужно просто продолжать двигаться.

Я тащу свое пляжное кресло к хижине, обдумывая, что делать дальше. Парень передо мной забрасывает шезлонг на самый верх шаткой конструкции из пляжных кресел и, всю ее развалив, как ни в чем не бывало уходит прочь.

Я ловлю несколько кресел и пристраиваю их обратно. Тут выскакивает Люси.

– Недоумок, – негромко бормочет она в удаляющуюся спину парня и поворачивается ко мне. – Я у тебя в долгу. Тот еще денек выдался.

Что верно, то верно.

– Да брось ты. – Будучи искусным игроком в «Дженга», я пристраиваю кресла так, чтобы они больше не рассыпались.

– Ты принята на работу, – впечатленная, шутит Люси.

– Удалось найти кого-то? – К нам бежит Мистер-Классный-Пресс со стопкой возвращенных пляжных принадлежностей.

Она выхватывает у него спасательный жилет.

– Я просто шутила.

– Вообще-то... – От пришедшей мне в голову идеи у меня учащается пульс. – Если вам, ребята, нужен работник, то я, типа, готова, – выдыхаю я.

– погоди, правда, что ли? – Люси окидывает меня скептическим взглядом.

– Ну да, я здесь все лето пробуду. – Возможно, я и совершаю сейчас огромную ошибку, но сидеть целыми днями на пляже в одиночестве точно не пойдет мне на пользу. Как и коротать время в своей комнате в компании журнала. Да и домой вернуться тоже не вариант.

Люси улыбается.

– Уверена? Придется много бегать по пляжу. За целый день едва ли удастся присесть.

Эта затея нравится мне все больше и больше.

– Да, я готова.

Мистер-Классный-Пресс пожимает плечами.

– Вот и отлично, мы тебя берем. А теперь у меня перерыв.

– Кого берем? – спрашивает подходящий сзади Бен.

– Ее. – Люси кивает головой в мою сторону и принимается поправлять удерживающий волосы шарфик. – Тебя как зовут-то?

– Эбби.

– Мы берем Эбби.

Я игнорирую удивленный взгляд Бена в мою сторону.

– Что – даже собеседование проходить не нужно? – Я испытываю облегчение, но и недоверие тоже.

– Тебя когда-нибудь арестовывала полиция? – вопрошает Мистер-Классный-Пресс, натягивая гидрокостюм. Стыдно прятать такие роскошные брюшные мышцы.

– Нет.

Он показывает мне два больших пальца, тем самым сигнализируя, что собеседование окончено.

Бен вскидывает бровь.

– И это все, Кертис? Других вопросов у тебя к ней нет?

– А нам ничего сверхъестественного и не требуется, Бенни, детка, – в притворном раздражении вздыхает Люси. – Эбби, ты умеешь считать деньги и выдавать пляжное снаряжение? – Она, конечно, шутит, но я все равно киваю.

– А спинку у пляжного кресла отрегулировать сможешь? – с усмешкой интересуется Бен.

Люси шлепает его по спине, за что я ей очень благодарна. Неловко получилось бы, если бы я сама ему вмазала.

– Ну что ты за чучело такое? Эбби ведь твою задницу спасает! Тебе бы следовало ее за это обнять.

– Вот уж нетушки, благодарю покорно, – поспешно возражаю я.

Бен, скорее всего, ничего подобного делать и не планировал, но я все же решила задушить подобные панибратские поползновения в зародыше.

– И последний вопрос... как там тебя зовут? – переспрашивает Мистер-Классный-Пресс.

– Эбби, – в унисон отвечаем мы с Люси.

– Готова начать прямо сейчас?

– Конечно, – заверяю я с уверенностью, которой на самом деле не чувствую.

Это лучше, чем два остальных доступных мне варианта летних развлечений: научиться пользоваться кассетным видеопроигрывателем или заглянуть в собственную душу.

Глава 6

Каждый год в течение двух недель, предшествующих решающей встрече, я, казалось, только и делала, что ела, спала и играла в волейбол. Общение с друзьями и выполнение домашних заданий приходилось кое-как втискивать между тренировками по два раза в день и обедами всей командой.

Тренер называла это состояние куражом, а мама – зашоренностью – после того, как однажды я забыла поздравить Уилла с днем рождения.

К добру или к худу, именно в таком состоянии я пребывала все пять дней работы в пляжной хижине проката. Целыми днями носишься туда-сюда по берегу, держа в голове расписания, цены и кто какой инвентарь взял. Домой прихожу настолько вымотанной, что засыпаю, стоит только уронить голову на подушку. А открыв глаза следующим утром до звонка будильника, спешу снова влиться в привычную круговерть, прежде чем Адова Бездна доберется до меня.

Но я ни на что не жалуюсь. Эта работа служит доказательством, что здесь я, по крайней мере, функционирую. Даже более того. Принимая во внимание, что дома я вообще себя от постели оторвать не могла, можно считать это победой.

Синтия моего энтузиазма не разделяет.

– Ты и правда хочешь работать, находясь здесь? – удивленно спросила она, когда я ей рассказала.

Похоже, она представляла мое лето в более медитативном ключе, с постоянными размышлениями на лоне природы. Надо отдать ей должное, с тех пор она на эту тему не заикалась, верная своему слову предоставить мне свободу действий.

Мое первое воскресенье в хижине стало самым суматошным днем из всех. В выходные и вообще-то всегда аврал, поэтому очень трудно успевать предугадывать желания толп туристов.

– Две S-ки, одну M-ку и XL, – кричит мне Люси. Тем временем очередь перед хижинкой проката из просто длинной превращается в безумно длинную.

Я сдергиваю спасательные жилеты с вешалок и каждый подписываю, после чего помогаю двум детишкам их надеть. Еще я дважды проверяю, хорошо ли взрослые застегнули предохранительные ремни.

Люси одобрительно кивает мне.

– Ты отлично справляешься, Эбби.

От ее слов меня захлестывает волна дурацкой гордости, возникает чувство, что я уже приобрела сноровку. Чаще всего я работаю в паре именно с Люси. Она довольно милая, но дружбу свою не навязывает, чего можно было бы ожидать от сверстницы, с которой целыми днями сидишь в одной хижине. В данный момент я особенно ценю в людях это качество. Поддержание разговора с целью «получше-узнать-друг-друга» меня сейчас несколько не интересует.

К обеду очередь у проката становится еще больше: народ сплошным потоком прибывает на весельных лодках и яликах.

– Откуда берутся все эти люди? – недоуменно спрашиваю я у Люси, спеша сложить стопку масок для подводного плавания. Остановиться в этой части острова можно разве что в крошечной гостинице, предлагающей ночлег и завтрак, да в кемпинге.

– Ту-Харборс – это практически аванпост Дикого Запада. – Она жестом указывает на сотни пришвартованных в заливе лодок, среди которых есть и роскошные яхты, и парусные шлюпки, и ветхие катамараны, и рыбацкие суденышки. – Для огибающих эту часть острова мы – единственный оплот цивилизации. И общественных бань.

В хижину врывается порыв океанского ветра.

– Чеки улетают! – вопит Люси.

Я поспешно поворачиваюсь к стойке и прихлопываю рукой поднявшиеся в воздух листочки, после чего прячу их в коробку с соответствующей этикеткой. Следовало сделать это еще пять минут назад.

Возможно, не такой уж я и великий профессионал, каким себе казалась.

* * *

После обеденного наплыва клиентов Люси отправляет меня на пляж собрать то, что взяли у нас напрокат, а потом разбросали где попало. Терпеть не могу это занятие! Хватаю первые попавшиеся на глаза шесть пляжных кресел и, зажав по три под мышками с каждой стороны, волоку их к хижине. Завидев направляющегося ко мне Бена, прибавляю шаг. Он же по дороге здоровается с группкой детишек.

После той стычки из-за пляжного кресла мы почти не разговаривали. Обычно я сижу в хижине, а он на пляже устанавливает зонтики и шезлонги – и при этом общается со всеми подряд, как будто, не узнав, как у кого-нибудь дела, тут же упадет замертво.

Я, пошатываясь, бреду по пляжу со своей ношей, и Бен пристраивается рядом со мной. В руках у него всего несколько пар ласт.

– Вау, тебе, как я погляжу, тяжело, – с притворной тревогой говорит он.

– Нормально. – Даже если бы у меня руки вдруг воспламенились, я и тогда ни за что к нему не обратилась бы.

– Уверена? – Он поджимает губы, пряча улыбку. – Если нужна помощь – проси, не стесняйся...

Ответить я не успеваю, потому что нас прерывает старик в рыбацкой кепке.

– Здорово, Бен!

– Хэнк, как поживаешь? – Бен дружески похлопывает его по плечу. – Удалось узнать, что там с твоим братом?

– Да. Оказалось, операция ему и вовсе не нужна.

– Отлично! Рад слышать.

– Это постоянный клиент? – отдуваясь, спрашиваю я, когда мы удаляемся на некоторое расстояние. Люси велела разузнать про таких людей, если хочу повышенные чаевые.

– Хэнк-то? Не-а. Я с ним только нынче утром познакомился. Вместе в очереди в киоск стояли.

Я сваливаю пляжные кресла в кучу у хижины.

– С тебя станется и в туалете лучшим другом обзавестись. Что такого – просто мочились в соседние писсуары.

– А как, по-твоему, я с Кертисом познакомился?

Не будь это так раздражающе, возможно, я бы даже улыбнулась в ответ на подобное замечание.

И тут – легок на помине – появляется Мистер-Классный-Пресс, более известный как Кертис. Он только что завершил урок по гребле, и с его влажных волос на плечи капает вода. Формально за хижину должен отвечать именно он, но определение «менеджер» подходит ему не лучше, чем еле держащиеся на бедрах пляжные шорты. Не будет преувеличением сказать, что за пять дней он со мной и горсткой фраз не обменялся. Поначалу я думала, что он не может вставить ни словечка в бесконечный поток болтовни Люси и Бена, но во время нашей единственной смены на пару он выдал мне: «Привет, Новенькая», после чего за три часа ничего не сказал.

Я стараюсь не пялиться на его пресс, пока он вытирается полотенцем, но это выше моих сил. Взгляд притягивается туда как магнитом. Кертис – точно живое пособие на уроке биологии, по которому можно изучать, как мышцы соединяются друг с другом.

Кертис дает каждому из нас задание, после чего снимает с вешалки свой гидрокостюм.
– Пойду на перерыв.

«Перерыв» в понимании Кертиса – это двадцатиминутная одиночная кайтбординг-сессия. Ну, знаете, это когда вы двигаетесь на сёрфе под действием силы тяги воздушного змея. Если верить Люси, это очень сложно, поскольку требует координации двух предметов.

– И я тоже, – подхватывает Бен и запоздало интересуется: – Вы же не против, девчонки?

– Ох, оставь эту свою притворную заботу. Проваливай давай, – отмахивается от него Люси.

Несколько минут спустя я вижу, как Кертис рассекает волны, а в небе над его головой парит воздушный змей. Кажется, происходящее не требует от него совершенно никаких усилий. Бен шагает к краю причала, снимая Кертиса на камеру своего iPhone. Он проделывает это каждый день недели. Интересно, зачем ему это нужно? Придет домой и будет всю ночь видео смотреть? Он что – помешан на кайтбординге? Или, возможно, сходит с ума по Кертису?

Подобное поведение находится за гранью моего понимания. Ребята знают друг друга много лет – Кертис живет на острове круглый год, а Бен с Люси приезжают каждое лето с тех пор, как были детьми. Следовательно, эта троица очень близка, как неизменно бывает, когда проводишь уйму времени вместе. У них общие воспоминания, одним им понятные шутки и незначительные детали, которых мне никогда не понять.

Ну и ладно. Их заикленность друг на друге мне только на руку, ведь на меня они почти не обращают внимания. Даже ни к чему не обязывающий разговор неизменно приводит к вопросам и расспросам, которые мне сейчас совершенно ни к чему. Уж лучше оставаться в тени.

* * *

К четырем часам народу на пляже почти не остается – как раз к отплытию последнего парома, так что Люси с Кертисом уходят пораньше, оставив меня с Беном сворачивать лавочку.

– Между прочим, – замечаю я, доставая стопку сегодняшних чеков, – я ничего не имею против поработать сверхурочно. Если людям нужно больше выходных, например.

Он окидывает меня внимательным взглядом.

– Ладно. Круто.

Я поспешно меняю тему разговора, не давая ему возможности завалить меня вопросами.

– Кто должен выйти с нами завтра утром? Кертис или Люси?

Бен сверяется с графиком.

– Кертис.

– Это не может не радовать, – восклицаем мы в унисон и тут же смущенно добавляем – опять одновременно: – Кого, меня?

– Ты палишься на пресс Кертиса, как будто никогда парня с голым животом не видела, – с усмешкой поясняет Бен, явно позабавленный. Я краснею. – Неужели не знаешь, что он предпочитает мальчиков?

– Да знаю я, знаю. – До меня долетали обрывки разговора между Люси и Беном, когда они обсуждали парня из Лонг-Бич, который «растерзал сердце Кертиса на кусочки и развеял, как конфетти, над Тихим океаном». Как я поняла, это случилось прошлой весной, но они до сих пор не уверены, вполне ли он оправился. – А еще я знаю, что ты хватаешься за камеру всякий раз, стоит ему надеть свой гидрокостюм.

– Думаешь, я снимаю Кертиса потому, что запал на него? – Бен так изумляется, что едва не роняет планшет с графиком.

– Ну, какая-то одержимость в этом точно присутствует. – Я уклончиво пожимаю плечами, показывая тем самым, что могу и ошибаться.

– Я работаю над документалкой.
– О безупречном прессе Кертиса?
– Нет же! – Он едва сдерживает смех. – За исключением присутствующих, едва ли кто-то еще сочтет это интересным.

– Уверена, что этот фильм найдет своего благодарного зрителя.
– Профессоры по классу режиссуры Южно-Калифорнийского университета явно не из их числа.

Я поднимаю взгляд от чеков.

– Вот, значит, куда ты поедешь учиться осенью?

– Ага, – говорит он обыденным тоном, как будто не видит ничего особенного в том, что его приняли в одну из лучших киношкол страны. Я добавляю этот кусочек информации к уже имеющимся у меня, из которых пока не удастся сложить целостную картину. Бен – целеустремленный создатель документального фильма.

– Я думала, в киношколе одни мрачные угрюмые типы учатся, – заявляю я, ожидая услышать в ответ какое-нибудь беспечное замечание, но Бен смотрит на меня в упор.

– По временам я тоже бываю мрачным и угрюмым.

Понятия не имею, говорит ли он серьезно или шутит. Оказывается, я не в состоянии понимать его с полуслова, как изначально счи-тала.

На некоторое время воцаряется тишина. Я вдруг понимаю, что он не до конца ответил на мой вопрос. Желая удовлетворить свое любопытство, я предпринимаю новую попытку и спрашиваю:

– Так зачем ты снимаешь Кертиса?

Бен удивленно смотрит на меня. Должно быть, дело в том, что это первый вопрос, который я задала не по работе.

– Все студенты-первокурсники киношколы должны обязательно пройти класс режиссуры. Он уже стал легендой. Говорят, что именно после него отсеиваются те, кто не способен работать под давлением. Первое задание – снять пятиминутный фильм, используя только камеру телефона и базовую программу по редактированию. Нужно «рассказать захватывающую историю о летнем отдыхе». Свою я решил посвятить Кертису, готовящемуся к Мировому кубку по кайтбордингу.

– Это же...

– Да, это истинная правда.

Что ж, это куда больше похоже на истину, чем моя первоначальная теория. Хотя несколько фоток пресса не помешали бы.

– Поражаюсь, как спокойно он относится к съемке. А ему нужно будет... что-нибудь говорить?

– Да, я могу помочь ему раскрыться. Нужно только задать правильные вопросы.

Я раскладываю регистрационные листы по отдельным папкам, гадая, отчего это Том не купит в хижину ноутбук.

– А это нетрудно?

– Правильные вопросы – это своего рода врата, но главное в том, что люди сами хотят пооткровенничать. Центр удовольствия у нас в мозге оживляется сильнее, когда мы говорим о самих себе, нежели чем на любую другую тему.

– Это настораживает, так как ведет к нарциссизму.

Бен лишь плечами пожимает.

– У каждого есть своя история, и в глубине души большинство людей хотят найти себе благодарного слушателя.

Еще один кусочек головоломки касательно Бена встает на место. Все эти разговоры, что он заводит с людьми на пляже, имеют куда более серьезную подоплеку, чем чрезмерная общи-

тельность. Он собирает истории, маленькие детали жизни, важные для других, потому что иначе просто не может.

– И что это за волшебные вопросы такие? – спрашиваю я.

Он загадочно сверкает глазами.

– Если я сейчас расскажу, то уже не смогу задать их тебе позднее.

У меня внутри все сжимается. Я вовсе не собираюсь становиться следующим подопытным кроликом Бена.

– Что ж, желаю удачи, – легкомысленным тоном заявляю я.

Вот почему лучше не привлекать к себе внимания.

Глава 7

Ранее

Флуоресцентное освещение «Таргета»³ медленно высасывает из меня душу, пока я иду по проходу вместе с Ниной. На прошлой неделе она узнала, что ее тоже приняли в Университет Колорадо. Следовательно, наша мечта о совместном проживании наконец-то воплотится в реальность.

Если, конечно, не подеремся, решая, какая кровать кому достанется.

– Я думала, мы с тобой не из тех, кто будет ссориться из-за комнаты, – говорю я, когда Нина останавливается перед витриной товаров для дома, которой отлично подходит описание «розовый сад под мухой».

– Я тоже так думала, – соглашается Нина. Упругие кудри пружинят по обеим сторонам ее лица в форме сердечка. Никому и невдомек, что за миловидной внешностью скрывается изощренное чувство юмора. – Пока не увидела, какое тут все симпатичное. Как насчет морской темы? – Она указывает на синее одеяло с якорями. – Можем взять те красные подушки.

– Зачем нам изображать, будто мы на борту судна?

Я пытаюсь бодриться, но очередной сеанс у доктора Голда, который только что закончился, оставил щемящее чувство. Он все бубнил и бубнил о правилах прохождения теста на определение БиГи. Кто-то дал себе труд тщательно продумать каждый шаг в этом сложном танце. Во-первых, по закону вам должно быть не менее восемнадцати лет, так что, получи мы это письмо годом ранее, о подобной процедуре и речи бы не шло. Также я узнала, что от момента забора образца крови до сообщения результата должно пройти целых три недели. Как будто мы и без того мало ждали! Кстати, результат этот будет запечатан в конверт, который доктор Голд собственноручно вскроет, как в дрянной версии какого-нибудь телешоу, где присуждают награды.

В конце сеанса я задала ему очевидный вопрос.

– К чему так много правил? Мне кажется, это перебор.

От выражения лица доктора Голда у меня тут же вспотели ладони.

– Когда это тестирование только ввели в медицинскую практику, пугающее количество людей, узнав, что они ген-положительные, вскоре совершили самоубийства. Временные рамки были разработаны специально, чтобы предотвратить подобное.

Если мне еще требовалось подтверждение того, насколько ужасна болезнь, с которой мы с сестрой столкнулись, то я его только что получила. Люди предпочитали убить себя, чем продолжать с нею жить.

– А как тебе вот эти? – Нина указывает на комплект покрывал с ананасами и психоделическими неоновыми цветочками. – Декорируем комнату в тропическом стиле.

Я моргаю в замешательстве.

– Тебе не кажется, что это чересчур... ярко?

Она крепко сжимает губы, но даже это не помогает сдержать улыбку.

– Эбби, да оно же страшное, как смертный грех. Я просто прикалываюсь над тобой.

Я смеюсь от облегчения.

Нина решительно двигается вперед, толкая перед собой тележку.

– Итак, оставляем морскую тему?

---

³ Одна из крупнейших компаний розничной торговли в США.

– Не смешно.

Завернув за угол, мы оказываемся в соседнем ряду, где представлены постельные принадлежности более сдержанных тонов. Тут загорается экран Нининого телефона, и, прочтя то, что ей написали, она меняется в лице.

– Что такое?

– Ничего. – Будничным жестом она наматывает на палец прядь волос.

Несколько минут спустя я замечаю, что она снова пялится в экран, хмуря брови.

– По-прежнему ничего?

Она краснеет так отчаянно, что начинает походить цветом лица на те яркие подушки.

– Ладно, признаюсь. После того, как ты рассказала мне обо всем, что с тобой творится, я почитала пару статей о болезни Гентингтона. – Нина была единственным человеком, кому я поведала об отцовском письме. – Я просто хотела получше разобраться в вопросе.

Я киваю, тронутая ее словами, но и испытывая чувство вины, поскольку сама до сих пор не удосужилась изучить этот вопрос.

– В общем, я подписалась на получение уведомлений о новых публикациях на сайте HDBuzz, и мне только что прислали вот это.

Она поднимает телефон и показывает статью о разработке какого-то препарата, способного бороться с симптомами моей болезни.

– Ты что-нибудь слышала об этом? – Она обрывает себя. – Ну, то есть я хочу сказать, конечно, слышала. Просто мне это показалось... внушающим оптимизм.

Хотя пока от болезни Гентингтона лекарства нет, доктор Голд сообщил нам о некоторых медикаментах, призванных облегчать протекание симптомов. Тот, о котором говорит Нина, занимает одно из последних мест в очереди на тестирование.

– Да, это стоящая штука. Действительно подавляет симптомы у лабораторных мышей, а сейчас проходит испытания на людях, страдающих от этой болезни.

– Я и понятия не имела, что наука сделала такой большой шаг вперед. Здорово! – Она улыбается, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Да, возможно, – соглашаюсь я, умалчивая об остальном. Разработчикам потребуется очень много времени, прежде чем они поймут, подходит ли это лекарство людям, как долго его можно применять и каковы возможные последствия.

– Я хочу сказать, тебе этот препарат вообще не понадобится, – быстро добавляет Нина, – потому что ты окажешься ген-отрицательной.

Она как попугай повторяет то, что узнала от меня. Если я настроена позитивно, то и она тоже.

– Хорошо, – говорю я слегка дрожащим голосом. Не могу представить себя ген-положительной. Правда, не могу. Однако после последнего сеанса с доктором Голдом что-то во мне изменилось. Похоже, я начинаю понимать, чего лишусь, если удача окажется не на моей стороне.

Нина молча толкает тележку вперед по проходу.

– Сейчас подходящее время, чтобы сообщить, что мне приглянулись разрисованные ана-насами парные подставки для банных принадлежностей, стоящие вон на той нижней полке?

Я от души улыбаюсь. Боже, благослови Нину!

– Показывай дорогу!

Глава 8

Из обрывочных слов в ежедневных сообщениях Брук, которые я выхватываю взглядом (*Веселье... нельзя игнорировать... совершить что-то непоправимое...*), прежде чем удалить, я делаю один-единственный вывод – по ее мнению, на Каталину я приехала, чтобы УЙТИ В ОТРЫВ. Типа, я здесь подводным плаванием и виндсерфингом занимаюсь, и каждый день меня поджидает новое приключение, возможно, я даже завела интрижку с первым подвернувшимся горячим парнем. В общем, морально разлагаюсь. Как будто приговор из конверта превратил меня в человека, стремящегося все в жизни испытать и попробовать – или хотя бы провести лето в безудержном веселье, а уж потом разбираться с последствиями.

Сестре и невдомек, что на протяжении последних двух недель я почти каждый день работаю. Листок бумаги, вложенный в конверт, не превратил меня магическим образом в любительницу удовольствий. А работа – единственное, что удерживает Адову Бездну на расстоянии.

Поэтому, когда Сара, властная рыжеволосая дамочка из ресторана, решительно ворвалась в хижину несколько дней назад с вопросом, не хочу ли я поработать официанткой на ежегодно проводимом в Ту-Харборс Фестивале еды и вина, я согласилась. Тем более что Люси, Бен и Кертис тоже там будут.

И теперь, после полудня в день великого события, обслуживая людей в нашем пункте проката, я наконец уразумела, почему Люси непрерывно твердила, что этот фестиваль – официальное открытие летнего сезона. До празднования еще несколько часов, а половина пляжа уже перегорожена тросами.

– Давай закругляться. – Люси крутит пальцем в воздухе. – Нам еще к вечеру подготовиться нужно.

Бен с Кертисом бегут к хижине, таща за собой по песку возвращенные шезлонги.

– Что ж, Керти, дальше тянуть нельзя. Называй цифру!

Выдержав долгую паузу, Кертис отвечает:

– Ставлю десять баксов на четверку.

Люси фыркает.

– А я – на девятку.

Бен отрывается от своего занятия – укладывания шезлонгов в стопку у хижины.

– Ты в самом деле хочешь сделать ставку в этом году?

– Разумеется, – подтверждает Люси. – Иначе какой смысл?

Я поднимаю взгляд.

– О чем вообще речь?

– Люси... – Бен качает головой, будто она его не в меру резвая младшая сестренка.

– Можете не отвечать.

Я краснею. Обычно я не лезу в их разговоры. Неловкие моменты вроде нынешнего утверждают меня в мысли, что для них я навсегда останусь чужой.

Люси отмахивается от меня.

– Ой, перестань. Никакого секрета тут нет. Каждый год на Фестивале еды и вина представительницы слабого пола от мала до велика – то есть от восемнадцати до восьмидесяти восьми – атакуют Бена, мечтая заполучить его себе в партнеры по танцам. Всем хочется урвать лакомый кусочек пирога.

И почему меня это не удивляет?

– Мы всегда делаем ставки, сколько их будет. Выигрывает тот, чья догадка окажется наиболее близкой к истине, – хрипло смеется Люси.

На долю секунды Бен притворяется ужасно оскорбленным, но тут же сам хохочет.

– Имея такие бедра, как у меня, преступно пользоваться ими в одиночку. – Он делает несколько вычурных движений под музыку, по которым, однако, сразу можно понять, что танцор он отменный.

Люси фыркает.

– Вот, значит, как это теперь делают у вас в Сан-Франциско?

– Думаю, так уже точно никто не делает, – бормочет Кертис.

– Давай подытожим, Керти. Четыре – твой окончательный ответ? Потому что, – тут Люси театрально хлопает ресницами, – я окажу тебе огромную услугу, сообщив, что в «Бэннинг Хаус» прибыла большая группа дам на празднование пятидесятилетнего юбилея.

– Вот черт. – Кертис притворяется, что всерьез обдумывает эти сведения. – Тогда пусть будет десять.

* * *

Обратный путь до дома я проделываю на автопилоте, поглощенная составлением планов на ближайшее будущее. Например, сколько времени мне потребуется, чтобы проглотить буррито, запас которых тетя всегда оставляет для меня в холодильнике, принять душ и переодеться в белую футболку с черными брюками – наше формальное облачение на нынешний вечер.

Все мои планы рушатся, как только в поле зрения возникает коттедж Синтии. На переднем крыльце сидит Чип, по своему обыкновению без рубашки и в велосипедках, которые носит все время. Только вот на велосипеде я его пока ни разу не видела.

Я уже уяснила из предыдущего печального опыта, что нет смысла сражаться с неизбежным. В последующие десять минут жизни не видать мне ни буррито, ни душа. Я проведу их в обсуждении странной темы по выбору Чипа, которая показалась бы мне куда более увлекательной, будь я ботаником – ну, или навеселе.

При виде меня на его лице появляется усмешка.

– Привет, Эбби!

– Здравствуй, Чип.

– Если бы ты должна была выйти замуж за библейского персонажа, кого бы выбрала?

Невероятно странный вопрос – Чип сам себя превзошел.

Я стискиваю зубы.

– Мы говорим о наших днях или библейских?

– Библейских.

Всеми силами души я молю небо о чудесном спасении от этого разговора.

И тут подъезжает Синтия на своем квадроцикле. Неужели меня так быстро услышали?

– Эбби! – Она спрыгивает на землю и спешит к нам. – Тебя сегодня пораньше отпустили?

– Из-за фестиваля вина.

– Верно-верно! Превосходно. Почему бы тебе не пойти в дом, принять душ и отдохнуть немножко? А потом вместе поедem. – Она заговорщически подмигивает мне. Такая уж она, моя тетя.

Она так радуется возможности провести со мной время, что мне тут же становится стыдно.

Неверно истолковав выражение моего лица, Синтия поспешно добавляет:

– А если не хочешь ехать, то оставайся дома, расслабись как следует.

– Нет, я... – Я переминаюсь с ноги на ногу. – Я вообще-то работать там буду. Всем ребятам из пункта проката предложили побыть официантами.

Тетя удивленно вскидывает брови.

– Вот это да! Ты только и делаешь, что трудишься, Эбби.

– Я не возражаю.

Синтия награждает меня долгим оценивающим взглядом.

– Полагаю, ты сама знаешь, что для тебя лучше. Этим летом ты можешь заниматься всем, чем хочешь и что считаешь правильным. – Она протягивает руки к океану. – Что ни говори, а это дар.

– Спасибо, – отвечаю я и добавляю на случай, если непонятно выразилась: – Очень мило с твоей стороны.

Она слегка качает головой.

– Нет, я имею в виду твое время здесь. Все время – это дар.

* * *

Как и сам остров Каталина, фестиваль фонтанирует сказочной сельской энергетикой. На пальмах сверкают гирлянды огней. Над расставленными на пляже столиками висят бумажные фонарики, а воткнутые в песок факелы придают ему сходство с переливающимися волнами. Океан озарен светом с лодок, пришвартованных вдоль берега.

Собрав всех официантов на кухне, Сара ведет нас вверх.

– Итак, ребята, не мудрим. Все, что от вас требуется, – вести светские разговоры и совать еду людям под нос.

Последнее замечание кажется неприятным для всех вовлеченных сторон.

Схватив свой поднос, я следую за остальными официантами на пляж. Первые гости, к которым я подхожу, это зажиточная семейная чета с накинутыми на плечи свитерами. Судя по виду – явные любители парусного спорта. Я на острове всего две недели, но уже научилась подмечать разного рода детали.

– Как проходит вечер? – с искренним участием интересуется мужчина.

– Э-э-э, неплохо, – вношу я свою лепту в непринужденную беседу. Повезло мне: в пункте проката всегда такая суматоха, что не до разговоров с клиентами. – А ваш?

– Это наш любимый день в году. Мы уже много лет приезжаем на Каталину – с тех пор, как были детьми. Очень нам здесь нравится.

С горящими глазами они ожидают моего ответа, стремясь разделить со мной любовь к острову.

– А вас что сюда привело? – вступает в разговор женщина.

«О, всего лишь смертельная неизлечимая болезнь. Не желаете ли арахисового соуса к говяжьему сатэю⁴?»

В подобные минуты я и сама задаюсь вопросом, какого черта меня сюда занесло. Почему я на острове предлагаю незнакомым людям мясо на шпажках вместо того, чтобы сидеть дома, с головой укутавшись в одеяло, и один за другим смотреть все фильмы, что есть на Netflix? Представив, как Брук осторожно заглядывает ко мне в комнату, я тут же нахожусь с ответом.

– Мне требовалось убежище на лето, – сообщаю я полуложь и поспешно ретируюсь.

К несчастью, у меня уходит очень много времени, чтобы раздать содержимое своего подноса. Возможно, дело в моем неумении общаться с людьми, а может, в том, что говяжий сатэй не пользуется популярностью. Зато у Бена кростини с козым сыром разлетаются с подноса с головокружительной скоростью.

Наконец кто-то забирает последнюю из оставшихся у меня закусок, так что я получаю возможность сходить на кухню за новой порцией еды. Замечаю стоящую у металлического стола Люси. Она наполняет бокалы вином и расставляет их на подносе.

– Держи. – Она пододвигает мне один бокал.

– А нам можно? – Я же в их команде, а говорю как строгая блюстительница нравов.

---

⁴ Малайское мясное блюдо, по виду напоминающее шашлык.

– Разумеется. Половина обслуживающего персонала всю угощается. Это праздник для всех, поверь мне. – Она отпивает из своего бокала. Да и вообще, полезно хотя бы пригубить вина, чтобы потом суметь описать его вкус гостям.

Улыбнувшись, я залпом осушаю свою порцию, чтобы избежать еще одного неуместного замечания. Мне никогда не доводилось пробовать вино премиальных сортов, но это определенно приятнее, чем поило из картонных упаковок, которое мы поглощали дома на вечеринках.

– О-о-о, какой насыщенный фруктовый вкус!

– Ты имеешь в виду, ароматный и с нотками груши, – подсказывает Люси, вздергивая бровь. Из-за ее акцента она кажется еще более аристократичной.

– А ты говоришь так, будто разбираешься в этом.

Она в ответ весело хохочет.

– Да ничего подобного! В прошлом году я была на одной вечеринке, и парнишка открыл бутылку вина, позаимствованную из родительского бара. Вкус был мерзостный, так что я тут же выплюнула все в раковину. А оказалось, цена той бутылки была пять тысяч долларов.

У меня глаза из орбит полезли.

– Есть в Лагуне сбрендившие богатеи. – Люси пожимает плечами. – Требуется время, чтобы привыкнуть к ним. Ничего общего с моим районом в Лондоне. Да и они об истинном изобилии понятия не имеют.

Я делаю еще несколько глотков.

– Теперь, когда ты об этом упомянула, я тоже ощущаю... насыщенный цветочный аромат. Ума не приложу, как это я его сразу не почувствовала.

– Ну вот, ты и научилась. – Люси чокается со мной бокалом.

Я допиваю вино и снова нагружаю поднос шпажками с мясом. Когда я на этот раз покидаю кухню, на душе у меня немного легче.

* * *

Вино быстро распространяется по моему телу. Я не пьяна, но теперь понимаю, почему про людей в таком состоянии говорят «навеселе». И тело, и мозг у меня взбудоражены. Вернувшись на пляж, я уже смелее сную между группками людей, не дергаясь от каждого обращенного ко мне невинного вопроса.

Доктор Голд называл алкоголь механизмом преодоления, хотя, конечно, не рекомендовал к нему прибегать. Но теперь я чувствую, как вино топит лед Адовой Бездны, приятным теплом разливаясь в желудке.

Час спустя мы с Люси выпиваем еще по бокалу, после чего я снова отправляюсь с подносом на пляж. Я прежде никогда не напивалась вдрызг, но исходя из наблюдений за несколькими друзьями, могу сказать, что смена состояний от веселья до слезливости и, наконец, полного сноса крыши происходит так быстро, что не успеваешь уследить. Мне хватило здравого смысла понять, что сейчас – не самое подходящее время проверять, как будет выглядеть перебравшая версия Эбби.

Внезапно музыка становится громче, и официанты начинают убирать со столов, чтобы отодвинуть их и освободить место для танцев. Я решаю, что обслуживание можно считать завершенным, и оглядываюсь по сторонам в поисках Сары, которая бы подтвердила мою догадку. Перемещаюсь из основной развлекательной зоны в расположенный на террасе ресторана бар. Днем здесь обычно многолюдно, но сейчас, когда все на пляже, наоборот, тихо. Лишь на одном конце длинной барной стойки сидят несколько работников из универсама. Неожиданно обнаруживаю Бена примостившимся на высоком табурете в противоположном конце

стойки. Интересно, что это он не на танцполе? Изменят ли в таком случае Люси с Кертисом свои ставки?

– погоди, скоро будет самое интересное, – рассказывает Бен какую-то байку бармену по имени Маркус, который хохочет до слез.

Люси называет этого парня Душка Маркус, и все в нашей хижине души в нем не чают, потому что по крайней мере дважды в день он присылает нам бесплатную еду и напитки. И Люси, и Кертис влюблены в него.

Я рассеянно бреду к ним, ловя обрывки разговора.

– Она не только обманула меня и забила на работу этим летом...

Ах, так он говорит о загадочном четвертом человеке из их команды, который так и не появился. Судя по всему, это его теперь уже бывшая девушка. История становится все более увлекательной.

– И вишенка на торте: она позвонила мне и сказала, что я отлично понимал, во что ввязываюсь, когда начал с ней встречаться, так что формально в разрыве виноват я сам.

– Может, она и права, – встречаю я, остановившись неподалеку от них. Вот уж поистине – ляпнула, не подумав, сама удивляюсь, не говоря уж о Бене.

– Что?

– Ты правда знал, во что ввязываешься? – напеваю я.

Бен хмурится.

– Нет! Ну, то есть да. Я понимал, что у нее проблемы, но просто хотел помочь.

Утробно похохатывая, Маркус оставляет нас и отходит в другой конец бара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.